

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Историография вопроса настроений в российской армии в период Первой мировой войны.....	6
1.1.Периодизация исследований настроений в российской армии в отечественной историографии	6
1.2.Обзор и классификация исследованных источников	24
Глава II. Анализ изменения настроений в русской армии на первом (1914-1916 гг.) и втором (1916- февраль 1917 гг.) этапах Первой мировой войны	31
2.1.Состояние дисциплины в российской армии на начало Первой мировой войны	31
2.2.Использование людских ресурсов в годы войны	38
2.3.Изменения состояния дисциплины в армии по ходу войны	49
2.4.Оценка брожений в русской армии в различных мемуарных источниках	60
Заключение	98
Список использованных источников и литературы	101

Введение

Актуальность темы исследования определяется рядом обстоятельств:

1. недостаточностью ее разработки, отсутствием специальных комплексных исследований о влиянии политической системы России на армию в рассматриваемый период, трудов о социально-политических процессах, происходивших в этот период в Вооруженных Силах, необходимостью изучения проблемы в новых ракурсах с использованием разноплановых источников, применением новейших методов и методик исследования.
2. Первая мировая война, ставшая прологом XX века, оказала глубокое воздействие на ход и характер общественного развития России новейшей эпохи, определив его важнейшие доминанты. Поэтому представляется особенно важным установление ее влияния на эволюцию политического сознания и социальной психологии армейских масс, выявление содержания и направленности трансформации стереотипов представлений, ценностей, вызванных участием в войне, механизмов, посредством которых порожденные ею новые элементы получали широкое распространение, превращались в устойчивые, типичные черты сознания и модели поведения действующей армии.
3. феномен политического сознания наиболее организационно оформленной силы российского общества начала XX века – действующей армии, изучен явно недостаточно, что настоятельно требует осмысления истоков его формирования, а также факторов и динамики его эволюции под влиянием модернизации российского общества, революционного кризиса начала XX века, Первой мировой войны и деятельности политических партий, выявления содержания его базовых структур, механизмов их трансформации в период мирового противоборства и взаимодействия со всеми сторонами социальной реальности.
4. общественной значимостью изучения массового политического сознания и поведения армейских масс в годы Первой мировой войны для современной российской действительности. Масштабная социокультурная

реформация сопряжена с трансформацией ценностных ориентаций и приоритетов сознания россиян, сформированных в прошлом. Сложившаяся ситуация настоятельно требует активизации исследований разнообразных аспектов русского национального самосознания в его историческом развитии и, в частности, массового политического сознания армии, выявления их наиболее устойчивых базовых ценностей, что будет способствовать пониманию взаимодействия традиций и инноваций в русской истории, наследия прошлого в настоящем.

5. стремлением современных властных структур использовать феномен массового политического сознания исследуемого периода, в том числе и армии, в своих политических целях. В эпохи войн и революций необычайно велико непосредственное влияние политических культур и субкультур на оформление и действие властных институтов, ярко проявляются те особенности политических культур, которые складывались десятилетиями, иногда столетиями.
6. возрастающей ролью Вооруженных Сил как гаранта защиты территориальной целостности и внутренней стабильности государства. В этой связи заслуживает изучения совокупность элементов, обуславливающих роль армии как фактора политической стабильности в условиях кризисных ситуаций.
7. медленным, но неотвратимым нарастанием в Вооруженных Силах кадровой катастрофы в виде люмпенизации офицерского состава, оттока кадров, в том числе и элитных специальностей, нежелания молодежи идти на военную службу. Изучение же деятельности государственных и военных структур, политических партий России в действующей армии в годы Первой мировой войны позволяет выявить причины данного явления, дает благоприятную возможность совершенствовать подготовку гражданских и военных кадров.

Цель работы – на основе архивных материалов и опубликованных документальных источников, специальной и научной литературы, с учетом

достижений современной исторической науки комплексно и всесторонне изучить и проанализировать уровень дисциплины и массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны и выявить причины разложения дисциплины в армии.

Задачи исследования:

- осуществить анализ отечественной и зарубежной историографии проблемы, охарактеризовать основные тенденции ее развития, наметить перспективы дальнейших исследований в этом направлении;

- изучить влияние вневойсковых и армейских социальных факторов и параметров на массовое политическое сознание военнослужащих;

- определить критерии, оценки, содержание устойчивых и меняющихся элементов массового политического сознания действующей армии в период Мировой войны;

- проследить эволюцию массового политического сознания действующей армии в различные периоды Первой мировой войны;

- охарактеризовать содержание и смоделировать структуру морального состояния армейских масс в 1914-февраль 1917 гг. и на этой основе выявить наиболее значимые тенденции поведения действующей армии;

- сделать теоретические обобщения и научно-обоснованные выводы, сформулировать уроки, определить основные направления и особенности эффективного воздействия на уровень дисциплины армии.

Глава I. Историография вопроса настроений в российской армии в период Первой мировой войны

1.1. Периодизация исследований настроений в российской армии в отечественной историографии

Отечественная историография рассматриваемой проблемы делится на следующие крупные исторические периоды: I – от начала Первой мировой войны до начала 20-х годов; II – от начала 20-х годов до 30-х годов; III – от 30-х годов до середины 50-х годов; IV – с середины 50-х годов до середины 80-х годов; V – с середины 80-х годов по настоящее время.

Характерной особенностью начального периода историографии следует считать то, что ведущими исследователями Мировой войны и Революции 1917 года выступали В.И. Ленин, П.Н. Миллюков, Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, В.М. Чернов и другие ведущие политики, формальные и неформальные лидеры своих политических партий. Изучение духовного облика и социального поведения военнослужащих, рекрутированных из различных социальных слоев российского общества, началось во время Первой мировой войны современниками событий, чьи работы имели научно-популярный, пропагандистский или публицистический характер.¹ Оценка позиций основных слоев российского общества по их отношению к Мировой войне была дана в трудах лидера большевиков В.И. Ленина, меньшевика-интернационалиста Н.Н. Суханова, эсера-интернационалиста И.З. Штейнберга и других.² Еще в годы революции и гражданской войны появились исследования, посвященные борьбе с идеологией и политикой

---

¹ См.: Отечественная война 1914 г. Начало войны. Общественное воодушевление. М., 1915. Т.1; Пороховщиков А.А. Мировая война – мировой перелом. Радостные вести из сердца святой Руси. М., 1915. Вып.4.; Вопросы мировой войны. Сб. статей. Пг., 1915; Чего ждет Россия от войны. Сб. статей. Пг., 1915; Архипов Н.А. Крестьяне, рабочие и война. М., 1917 и др.

² См.: Ленин В.И. Что доказал суд над РСДР фракцией? // Полн. Собр. соч. Т.26. С.168-176; Социализм и война // Там же. С.307-350 и др.; Суханов Н.Н. Наши левые группы и война. Пг., 1915; Штейнберг И.З. От февраля по октябрь 1917 г. Берлин – Милан, 1919; Коллонтай А.М. Кому нужна война. Пг., 1917 и др.

меньшевиков и эсеров.³ Работы, созданные в этот период, ценны как первый опыт осмысления событий очевидцами, принадлежавшими к различным общественно-политическим лагерям, отношения российского общества, в том числе солдат и офицеров действующей армии, к участию страны в мировом военном противоборстве. Эти труды имели обобщенный характер, отсутствовала систематическая работа с источниками.

В советской историографии массовое политическое сознание действующей русской армии в контексте деятельности политических партий не было предметом специального исследования, оно, как и ее поведение, воссоздавалось в рамках исследования истории революционного движения, партии большевиков, а с 60-х годов – и «непролетарских» партий. Интерпретация общественных настроений и социального поведения армейских масс в период войны базировалась на концепции вызревания предпосылок социалистической революции.

Второй период отечественной историографии рассматриваемой проблемы охватывает 20-е годы и характеризуется широкой публикацией источников, заложившей в ее рамках основы документальной базы для изучения российского общества и его армии в годы Мировой войны и Революции 1917 года, утверждением в исторической науке большевистской концепции Первой мировой войны, ленинских оценок сознания и поведения действующей армии. Этот период советской историографии действующей армии в рассматриваемый нами период, вместе с тем, является, несомненно, исторически ценным, ибо основной массив работ написан очевидцами и непосредственными участниками событий – представителями различных политических партий и течений, что дает возможность увидеть многоплановость, неоднозначность событий, дать им более объективную оценку.

---

³ Иоффе А. (В. Крымский). Крах меньшевизма. Пг., 1917; Новицкий К. Октябрьская революция и контрреволюция. М., 1919; Стеклов Ю.М. Год борьбы за социальную революцию (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). М., 1919. Ч.2; Устинов Г. Большевики, правые эсеры и контрреволюция. М., 1919; Ходорковский Н. Партийные и беспартийные. Казань, 1920 и др.

Для советской историографии 20-х годов характерным является и то, что в отдельных работах общего плана стали рассматриваться вопросы взаимоотношений большевиков с их политическими противниками и временными союзниками.⁴ Анализ трудов указанного периода свидетельствует о том, что большинство авторов было ориентировано на разоблачение стратегии и тактики правых и либеральных партий,⁵ социалистов-революционеров⁶ и меньшевиков⁷ в годы Первой мировой войны и Революции 1917 года в России, в том числе демонстрацию несостоятельности их военной политики.⁸ Вместе с тем, в работах историков предпринималась попытка определить место и роль армии в политике и тактике указанных партий, дать сравнительный анализ структур военных организаций большевиков и оппозиционных им партий,⁹ хотя различия между действующей армией и тыловыми гарнизонами остались исследователями незамеченными. Рассматриваемый период советской историографии характерен и тем, что появились первые исторические труды, в которых делалась попытка рассмотреть факторы, влияющие на массовое политическое сознание действующей армии и механизм такого влияния со стороны политических партий.¹⁰ По мнению автора, публикации 20-х годов по истории Первой мировой войны и Революции 1917 года следует скорее рассматривать не только как работы, позволяющие восстановить

---

⁴ Вардин Ил. Политические партии и русская революция. М., 1922; Граве Б.К. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны, июль 1914-февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.-Л., 1926; Мартынов А.С. О меньшевизме и большевизме. М., 1923; Социал-демократическое движение в России. В 4-х т. М.-Л., 1925; Ярославский Е. Партия большевиков в 1917 году. М.-Л., 1927 и др.

⁵ Покровский М.Н. Противоречия г-на Милюкова. М., 1922; Союз русского народа. Сб. документов. М.-Л., 1929; Стальной В. Кадеты (конституционно-демократическая партия народной свободы). Харьков, 1929; Чаадаева О.Н. Помещики и их организации в 1917 г. М.-Л., 1928 и др.

⁶ Мещеряков Н.Л. Партия социалистов-революционеров. В 2-х ч. М., 1922; Эсеры и их роль в русской революции. Чита, 1922 и др.

⁷ Быстрянский В.А. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; Вардин Ил. Революция и меньшевизм. М.-Л., 1925; Лисовский П. Эсеро-меньшевистская контрреволюция. Л., 1928; Партия капиталистической реставрации (меньшевики). М., 1923; Эрдэ Д. Меньшевики. Харьков, 1929.

⁸ Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929; Шкловский В. Революция и фронт. Пг., 1921; Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917 г. М.-Л., 1927; Буйский А. Военная подготовка Октября. М.-Л., 1927; Разложение армии в 1917 году. М.-Л., 1925; Рабинович С.Е. Борьба за армию в 1917 г. М., 1930 и др.

⁹ Военный вопрос в программе и тактике ВКП(б) до октября 1917 года. Л., 1931; Кальницкий Я. От Февраля к Октябрю: Сб. статей. М., 1923; Рабинович С.Е. Большевистские военные организации в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. 6-7; Семенов Г. (Васильев) Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918 гг. М., 1922; и др.

¹⁰ Блументаль Ф.Л. Буржуазная политработа в мировую войну 1914-1918 гг. Обработка общественного мнения. М.-Л., 1928; Кандидов Б. Религия в царской армии. М., 1929; Рабинович С.Е. Армейская печать в борьбе за армию // Война и революция. 1927. №10-11; Он же. Борьба за армию в 1917 г. Очерки партийно-политической борьбы и работы в армии в 1917 г. М.-Л., 1930 и др.

фактическую сторону событий, но и характеризующие умонастроения различных их участников, субъективные устремления и мотивы, которыми руководствовались политические деятели.

В 30-е годы преимущественное значение приобрело изучение истории большевистской партии. Она была канонизирована в вышедшем массовым тиражом в 1938 году «Кратком курсе истории ВКП(б)», который фактически подменил гражданскую историю российского общества партийно-большевистской, написанной с позиции культа личности Сталина. Ослабло внимание историков к проблемам армии, а отдельные работы¹¹, посвященные ей, носили, в основном, пропагандистский характер. Характеризуя советскую историографию 30-50-х годов, можно говорить лишь об отдельных монографиях и статьях научно-популярного характера, которые исключительно фрагментарно освещали деятельность политических противников большевиков,¹² в том числе и в действующей армии. Считалось также, что работу в армии вели только большевики.¹³ Отдельные стороны политического сознания обозначены в тщательно откорректированных сборниках солдатских писем,¹⁴ а рассмотрение действий солдат было загнано в рамки схемы «партия – армия – революция», где воинам надлежало действовать по указке большевиков, а не командования. Историческая наука в 30-50-е годы не требовала ничего, кроме слепой или фиктивной веры, и являлась инструментом не научного познания, а политики, когда возобладало политическое мифотворчество, намеренно не считавшееся с источниковой базой.

---

¹¹ Армия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Красный архив. 1937. №5; Кизрин И.Г. Распад старой армии. Воронеж, 1931; Чаадаева С.Н. Армия накануне Февральской революции. М.-Л. 1935.

¹² Агарев А. Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров // Пропагандист. 1939. №16; Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной Думы. Л., 1932; Гришин П.П. Меньшевики и Октябрьская революция. М.-Л., 1932; Черменский Е.Д. Кадеты накануне Февральской буржуазно-демократической революции // Исторический журнал. 1941. №3 и др.

¹³ Илюкович М.А. Военная политика ВКП(б) в годы империалистической войны. Л., 1934; Шелюбский А. Большевистская пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 года // Вопросы истории. 1947. №2 и др.

¹⁴ Ильин-Женевский А.Ф. Почему солдаты и матросы стали под знамена Октября / Письма солдат и матросов в редакции большевистских газет 1917 г. Л., 1933; Солдатские письма в годы мировой войны (1915-1917гг.) // Красный архив. М., 1934. Т.4-5; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932.

Следующий этап историографии проблемы – середина 50-х-середина 80-х годов. Значительно расширилась источниковая база исследований, началась массовая публикация многотомных сборников документов по военно-революционному периоду, в том числе связанных с действующей армией. Сквозь призму критики «буржуазных фальсификаторов» появились незначительные шансы ознакомиться со взглядами западных историков на Первую мировую войну и Революцию 1917 года в России, влияние политических партий на массы. С 60 – х годов в связи с выделением социальной психологии в качестве самостоятельной отрасли знания отмечается усиление внимания исследователей к вопросам духовного облика народных масс. Однако приоритетными для историков, изучавших предреволюционный и революционный периоды, стали проблемы формирования «социалистической морали» и «социалистического сознания» трудящихся. Следует отметить, что ощутимые перемены в этой области происходили не сразу, а постепенно и не всегда поступательно.

Во второй половине XX века тема Первой мировой войны оставалась на периферии советской историографии. Как и прежде, ее сильно теснила ленинская тематика, а также история большевистской партии и Великого Октября. В это время появились крупные исследования, раскрывающие динамику революционного процесса в России с начала Мировой войны с точки зрения победителей-большевиков, где в определенной степени нашли отражение вопросы политической борьбы с другими партиями, в том числе и за армию.¹⁵ По мере отхода исследователей от догмы в условиях инерционного господства «принципа партийности», естественно пробудился массовый интерес к противникам большевизма, воплотившийся в разработке истории «непролетарских» партий.¹⁶ Оригинальным исследованием вопросов

---

¹⁵ Бурджалов Э. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Переферия. М., 1971; Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 году М., 1964; История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. М., 1966-1968. Т.2-3; Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. М., 1977-1979 и др.

¹⁶ Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973; В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Гусев К.В. Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1979; Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма: Борьба партии большевиков

идейно-политических взглядов и практической деятельности социалистических партий России в рассматриваемый нами период стала монография С.В. Тютюкина.¹⁷ Стали исследоваться и такие проблемы, как позиция буржуазных кругов по отношению к войне, к царскому правительству, идейно-политические установки либеральных партий, их взаимоотношения с крайне правыми и революционными организациями.¹⁸ Вместе с тем, историки унаследовали от своих предшественников традиции определенной предвзятости по отношению к политическим противникам большевиков.

Историческая литература середины 50-х – середины 80-х годов представлена огромным массивом исследований о завоевании большевиками на свою сторону действующей армии в целом¹⁹, отдельных фронтов и армий.²⁰ В указанное время как в материалах конференций, так и в исторической литературе, впервые появляются специальные статьи²¹, в которых рассматриваются отдельные стороны деятельности политических противников большевиков в армии, их взгляды на вопросы войны и мира, перспектив развития страны. Существенным недостатком всех исследований, рассматривающих влияние политических партий на массовое сознание действующей армии была сама формула типа «борьба партии за армию», что

против анархизма. 1917-1922 гг. М., 1974; Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984; Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917-1918 г.). М., 1968 и др.

¹⁷ Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России. 1914-1917 гг. М., 1972.

¹⁸ См.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967; Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1982 и др.

¹⁹ Борьба большевиков за армию в социалистической революции. М., 1977; Военно-боевая работа партии большевиков. 1903-1917 гг. М., 1973; Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967; Капшуков С.Г. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны. (1914-март 1917 гг.). М., 1957; Партия и армия. М., 1980; Революционное движение в русской армии 1917 г. Сб. статей. М., 1981 и др.

²⁰ Капустин М.И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957; Смольянинов М.М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск, 1981; Стеклов П.А. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914-1917 гг. Тбилиси, 1969; Френкин М.С. Революционное движение на Румынском фронте. 1917-март 1918. Солдаты VIII армии за мир и власть Советов. М., 1965 и др.

²¹ Миллер В.И. Военные организации меньшевиков в 1917 г. // Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917-1922 гг.: Сб. науч. трудов: В 2-х ч. Ч.1. М., 1977; Протасов Л.Г. Армия в политических концепциях меньшевиков и эсеров в 1917 г. // Непролетарские партии в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Матер. конфер. М., 1982; Якупов Н.М. Армия и политические партии России // Борьба за армию в 1917 году. (Деятельность большевиков в прифронтовых округах). М., 1975.

делало армию лишь объектом борьбы, отводя ей, в общем, достаточно пассивную роль, хотя борьба за армию прежде всего шла в самой армии.

Начиная с середины 60-х годов стали появляться работы, содержавшие не только ценный фактический материал, но и нетрафаретные выводы и оценки состояния духовного облика, массового сознания рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны и Революции 1917 года.²² Они принадлежали, в основном, представителям так называемого нового направления в историографии, возникшего на рубеже 60 – 70-х годов. Отдельные составляющие массового политического сознания действующей русской армии, в частности, отношение к власти, революции, вопросам войны и мира фрагментарно рассматривались в работах Е.В. Коникова, Н.М. Якупова, статье Н. Ерушева.²³ В части касающейся, эти проблемы нашли свое эпизодическое отражение в ряде диссертаций.²⁴ В соответствии с господствующей доктриной, Э.Бурджалов, на наш взгляд, неоправданно, однозначно констатировал монархические настроения у генералитета, офицерства, священников и единоклассников солдатских масс, населения столицы в отрицании царизма.²⁵

В научной исторической литературе до середины 80-х годов главное внимание уделялось фактологическому насыщению той или иной политико-идеологической парадигмы исторического процесса конкретными фактами, что приводило к одностороннему, неадекватному освещению событий.

---

²² См.: Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970; Носков А.П. О взаимодействии теоретического и обыденного сознания при формировании политических убеждений трудящихся в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук Вып.1. 1973. № 1. Новосибирск, 1973; Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (период двоевластия). Л., 1973; Шишкин В.Ф. Революционное настроение масс в преддверии Октября // История СССР. 1977. №3 и др.

²³ Ерушев Н. Солдаты идут за большевиками. (О роли партии в формировании революционного сознания солдатских масс) // Военный вестник. 1968. №2; Коников Е.В. Борьба большевиков за демократический мир среди солдат действующей армии, март 1917 – март 1918 гг. Саратов, 1981; Якупов Н.М. Революция и мир. (Солдатские массы против империалистической войны. 1917-март 1918 гг.). М., 1980.

²⁴ Акимов Ф.И. Большевики Украины в борьбе за солдатские массы царской армии в годы первой мировой войны (1914-март 1917). Дис... канд. ист. наук. Одесса, 1977; Гаврилов Л.М. Солдатские массы действующей армии в борьбе за власть Советов. Дис... докт. ист. наук. М., 1987; Глюк В.П. Большевицкие организации Северного фронта в борьбе за власть Советов (март-ноябрь 1917 г.): Дис... канд. ист. наук. Л., 1973; Смольянинов М.М. Социалистическая революция на Западном фронте (июль-ноябрь 1917 г.): Дис... канд. ист. наук. Минск, 1977; Ткачук А.Г. Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне и в период Великого Октября. (1916-февраль 1918). Дис... докт. ист. наук. Львов, 1968 и др.

²⁵ См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

Концептуальные поиски отечественных историков не могли тогда получить своего логического завершения, не выйдя за рамки марксистской методологии, однако доминирование политического начала над научным в исторических публикациях находило свое отражение даже во второй половине 80-х годов.²⁶

В середине 80-х годов начался новый этап в развитии отечественной исторической науки. Демократизация советского общества вызвала поиск новых подходов к интерпретации исторического прошлого, отказ от догматических стереотипов, монополии одной идеологии и методологии, понимание многомерности, вариативности и противоречивости исторического развития, обращение к общечеловеческим, гуманистическим ценностям. В современной историографии значимое место заняла и культурологическая интерпретация истории, предпринимаются попытки создать новую модель – историю процессов, а не событий, описать обусловленную множеством факторов эволюцию структур, а не классовую борьбу людей. Все это способствовало созданию благоприятных условий для всестороннего исследования проблем социального и духовного развития российского общества и его армии в годы Первой мировой войны. Были сделаны серьезные попытки осмысления как советской историографической науки и ее наследия вообще,²⁷ так и ее военно-революционного периода.²⁸

Современная историография проблемы характеризуется активизацией поисков, приоритетным изучением «человеческого измерения» социальных процессов в годы Мировой войны и Революции 1917 года, вовлечением в научный оборот новых источников, в том числе личного происхождения, учетом современных достижений зарубежных ученых, углублением в новые тематические и хронологические пласты, расширением применения новейших междисциплинарных методов исследования. Следует отметить

---

²⁶ Великий Октябрь и защита его завоеваний. В 2-х т. М., 1987; Исторический опыт трех российских революций. В 3-х кн. М., 1986-1987; Октябрьская революция: вопросы и ответы. М., 1987 и др.

²⁷ Историческая наука в России в XX веке. М., 1997; Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999; Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996.

²⁸ Кудинова Н.Г. Отечественная историография революции 1917 года в России (1917-1995). Хабаровск, 1998; Шубин Н.А. Россия в первой мировой войне. Историография проблемы. (1914-2000). Дис... докт. ист. наук. М., 2001.

научную значимость трудов видных историков В.П. Булдакова, Г.А. Герасименко, В.В.Журавлева, В.В. Шелохаева и других.²⁹ В своих работах они успешно решают сложные проблемы военно-революционного периода нашей страны с позиций глубокого научно-теоретического и историософского осмысления, используя новые методы исторических исследований, привлекая огромный массив архивных материалов. Большинство же исследователей занимаются решением локальных, узких, главным образом, партийно-политических проблем отечественной истории военно-революционного периода.³⁰

В современной исторической литературе сложился широкий диапазон мнений о причинах, характере, итогах и значении первого в истории человечества конфликта, открывшего эпоху мировых войн, социальных революций и глобального противостояния союзов государств в XX веке. О расширении научного и общественного интереса к истории России в годы Первой мировой войны свидетельствуют многочисленные конференции,³¹ монографии и сборники статей,³² публикации в научно-популярных журналах.³³ При этом современный этап развития отечественной историографии характеризуется некоторым ослаблением внимания исследователей к русской армии и ее влиянию на ход и исход военно-революционных событий начала XX века.

На многочисленных симпозиумах и коллоквиумах российских и зарубежных ученых сделаны серьезные попытки осмыслить поведение различных социальных слоев населения России в период Первой мировой

---

²⁹ Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995; Журавлев В.В. Революция сквозь призму интереса // Отечественная история. 1995. №4; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 и др.

³⁰ Алексеева И.В. Царизм, буржуазная оппозиция и союзники России по Антанте в годы Первой мировой войны (1914-февраль 1917 гг.). Автореф. д.и.н. СПб., 1992; Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны. М., 1998 и др.

³¹ Первая мировая война и XX век. Материалы международной конференции. М., 1995; Первая мировая война и участие в ней России. (1914-1918). Материалы научной конференции. В 2-х т. М., 1994; Россия и первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999 и др.

³² Мировые войны XX века. В 4-х кн. М., 2002. Кн.1, 2; Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994; Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998; Степанов А.И. Россия о первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000; Уткин А. Первая мировая война. М., 2002 и др.

³³ Виноградов В.Н. О новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. №5; Степанов А.И. Россия, СССР в мировых войнах XX века // Россия. XXI. 1994. №11-12 и др.

войны и Революции 1917 года, в том числе и на основе массового сознания. Активизация исследований по истории Мировой войны была обусловлена отмечавшимися 80-летием и 90-летием ее начала.³⁴ Началась разработка перспективного направления исследования «Человек и революция в XX веке», способствующего кардинальному осмыслению истории Революции 1917 года. Возможность применения новых исследовательских подходов стало мощным импульсом изучения мировосприятия и поведения массовых общественных слоев, в том числе и действующей армии, в революционную эпоху. Первые плодотворные шаги в этом направлении уже сделаны: вышли в свет не только статьи, но и монографии, рассматривающие социальные процессы в революционной России сквозь призму «человеческого измерения», т.е. с учетом особенностей восприятия действительности и представлений о ней, складывающихся в сознании «исторических актеров» - действующих лиц исторического процесса – и их влияния на формирование моделей социального поведения.³⁵

Весомым вкладом в осмысление проблемы «война и российское общество» и, в частности, эволюции общественных настроений, взглядов и поведения народных низов, стали результаты новейших изысканий С.В. Тютюкина.³⁶ В последние годы были предприняты усилия по исследованию различных аспектов психологии масс в революционную эпоху. Междисциплинарный подход к анализу социальной психологии основных участников русской революции – рабочих, крестьян, солдат, представителей национальных движений – был реализован в монографии В.П. Булдакова.³⁷

---

³⁴ См.: Первая мировая война: Пролог XX века; Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // Новая и новейшая история. 1994. №4-5; Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов // Матер. Междунар. научн. конф. Москва, 7-8 сентября 2004 г. М., 2006.

³⁵ См.: Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Революция и реформа: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. 1991. №2; Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник. М., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994; Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996; Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Менталитет и политическое развитие России. М., 1996; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – 1918). Екатеринбург, 2000 и др.

³⁶ См.: Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С.236-249.

³⁷ См.: Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия М., 1997;

Историки обратились к изучению массового сознания революционного времени как на теоретическом уровне,³⁸ так и исследуя на основе исторических источников и в контексте социального поведения масс такие его аспекты, как восприятие власти и ее институтов, идей социализма, отношение к текущим политическим событиям, политическим партиям и революционным вождям, антибуржуазный компонент общественного сознания, феномен революционной жертвенности и т.д.³⁹ Противостояние массового, догосударственно – локалистического и государственного уровней сознания россиян, в рамках которого власть царя гарантировала консенсус между личностью и государством, описал А.Ахиезер.⁴⁰ Результаты и выводы вышеназванных исследований позволяют понять характер и специфику преломления в массовом сознании основных идей революции, политической пропаганды революционных партий, текущих событий.

Только в последние годы начался процесс осмысления сознания и поведения «человека с ружьем», оказавшегося в экстремальной обстановке за пределами привычного для него социума, появились работы, в которых эта проблематика рассматривается с иных, более современных методологических позиций.⁴¹ А.П. Жилин, рассматривая эволюцию морально-политического состояния русской армии в период войны, показал значение не только некоторых ритуальных (бессознательных) элементов массового сознания, но и содержание его рациональных компонентов, преобладающих представлений, умонастроений, влиявших на поведение на

---

³⁸ Зимичев А.Н. Психология политической борьбы. СПб., 1993; Назаров М.М. Политическое сознание: особенности и тенденции. М., 1991; Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995 и др.

³⁹ Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. С.176-187; Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). М., 1995; Злоказов Г. Солдатские письма с фронта в канун Октября // Свободная мысль. 1996. №10. С.37-47; Колоницкий Б.И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. С.109-118; Борщукова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы первой мировой войны. Дис... канд. ист. наук. СПб., 2002; Яров С.В. Политическое сознание рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. Дис... докт. ист. наук. СПб., 1999 и др.

⁴⁰ См.: Ахезер А. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т.1.

⁴¹ См.: Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С.127-165; Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. №3. С.7-16; Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. С.55-75; Асташев А.Б. Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. №2; Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей армии (октябрь 1917-февраль 1918 гг.). М., 2003 и др.

различных этапах войны, проанализировал факторы, обусловившие их изменение.⁴² Трансформацию психологии человека на войне в условиях пограничной ситуации, а также влияние войн на атмосферу, облик и развитие обществ рассматривает в своих трудах Е.С. Сеньявская.⁴³ Ее работы положили начало новому срезу исторических исследований – военно-исторической антропологии, объектом которой является человек и общество, в первую очередь армия, в экстремальных условиях вооруженных конфликтов и подготовки к ним.⁴⁴

В постсоветский период с созданием многопартийности в обществе среди ученых-историков наметился небывалый интерес к истории политических партий, их программным документам и судьбам лидеров.⁴⁵

Энциклопедия политических партий,⁴⁶ представленная в оригинальном концептуальном ключе, создает принципиально новую ситуацию в историографии: она раскрывает практически весь круг проблем, связанных с созданием и развитием подавляющего большинства политических партий России конца XIX – первой трети XX веков. В последние годы в общественном сознании возродился интерес к монархизму, его истокам и роли в российской истории.⁴⁷ Есть основания считать, что, как альтернатива большевизму, наибольший научный интерес вызывала деятельность либеральных партий и их моделей переустройства России. В 90-е – начале 2000-х годов в России опубликован ряд крупных монографий,⁴⁸ сборников,⁴⁹ десятки статей в научных журналах. Предпринята не имеющая аналогов в

⁴² См.: Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С.127-165.

⁴³ Сеньявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. №3. С.140-145; Она же. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997 и др.

⁴⁴ См.: Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С.13.

⁴⁵ Критический марксизм: русские дискуссии. М., 1999 и др.

⁴⁶ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

⁴⁷ Бибин Н.А. Совет объединенного дворянства в период первой мировой войны. Дис... докт. ист. Наук. Саратов, 2002; Всероссийский Национальный Центр. М., 2001; Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900-1917. М., 2003; Партии промышленников и предпринимателей. М., 2003; Правые партии. Сборник документов и материалов. В 2-х т. (1911-февраль 1917). М., 1998 и др.

⁴⁸ Вандалковская М.Г. П.Н. Милуков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-февраль 1917 г.). М., 2003; Думова Н.Г. Либерал в России. Ч.1. М., 1993; Секеринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1917. М., 1991 и др.

⁴⁹ Либерализм в России. М., 1996; Опыт русского либерализма. Анталогия. М., 1997; Российские либералы / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999; Русские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.

мировой практике серийная многотомная публикация документов и материалов основных российских либеральных партий. С конца 1980-х годов исследование феномена меньшевизма в сочетании с радикальным расширением источниковой базы ведется довольно активно и основательно многими видными отечественными историками.⁵⁰ Сегодня мало кто сказал что-либо оригинального о большевиках, научная история большевизма стала у нас почти запретной темой, публикации источников и научной литературы по которой незначительны. С конца 80-х годов существенно расширилась источниковая база неонароднических партий, опубликованы монографии и диссертации,⁵¹ раскрывающие их теоретическую и практическую деятельность. Изучение влияния ведущих политических партий на массовое политическое сознание действующей армии в современный период обогатилось новыми исследованиями. Эта проблема фрагментарно рассматривалась как в общих работах, раскрывающих политическую деятельность различных политических партий,⁵² так и в трудах, статьях, непосредственно посвященных военным вопросам их деятельности.⁵³ Основная же масса исследований представлена кандидатскими и докторскими диссертациями.⁵⁴

---

⁵⁰ Меньшевизм и меньшевики: Сборник статей. М., 1998; Меньшевики в 1917 году. В 3-х т. М., 1994-1996; Меньшевики в 1917 году: от января до июльских событий. М., 1993; Меньшевики. Документы и материалы. 1903-февраль 1917 г. М., 1996; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002; Он же. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996; Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). В 2-х ч. М., 2000-2001; Он же. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997 и др.

⁵¹ Алексеева Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989; Гусев К.В. В.М.Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999; Косулина Л.Г. Эволюция теоретических основ и политической деятельности Партии социалистов-революционеров. Дис... докт. ист. наук. М., 2003 и др.

⁵² См., напр.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Ксенофонтов И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: Документальный репортаж. М., 1991; Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. статей. М., 1989; Спириин Л.М. Россия 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987 и др.

⁵³ Лукманов А.Х. Борьба за армию в 1917 году (февраль-октябрь). М., 1991; Лытов Б.В. Борьба В.И. Ленина против оппортунизма по военным вопросам (1914-1920 гг.). М., 1987; Протасов Л.Г. К истории борьбы эсеров за армию в 1917г. // Непролетарские партии России в трех революциях: Сб. статей. М., 1989; Старцев В. Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991 и др.

⁵⁴ Авраими Ю.Н. Исторический опыт борьбы большевиков против буржуазных и мелкобуржуазных партий в ходе завоевания армии на сторону социалистической революции (февраль-октябрь 1917 г.). Дис... канд. ист. наук. М., 1988; Гаврилов Л.М. Солдатские массы действующей армии в борьбе за власть Советов. Дис... докт. ист. наук. М., 1987; Жуковский М.В. Военно-политические вопросы в деятельности конституционно-демократической партии (партии Народной Свободы) в 1905-октябре 1917 г. Дис... канд. ист. наук. М., 1993; Поляков В.В. Военные вопросы в деятельности партий правительственных коалиций (февраль-октябрь 1917 г.): исторический опыт и уроки. Дис... канд. ист. наук. Казань, 1997; Черных И.И. Военные вопросы в программах и тактике кадетов, меньшевиков и эсеров, март-октябрь 1917 г. Дис... канд. ист. наук. М., 1992 и др.

История Первой мировой войны и Революции 1917 года была бы бедна, бесплодна и изуродована, если бы она опиралась исключительно на те публикации, которые появлялись в Советском Союзе. Несмотря на огромный диапазон и разнообразие толкований событий Мировой войны и Революции 1917 года в России, по идейно-политической ориентации, научно-теоретическим подходам и конкретно-методологическим концепциям в зарубежной отечественной историографии можно выделить следующие основные направления. Прежде всего – правое и правоцентристское, реакционно-охранительное, консервативное и праволиберальное, православно-монархическое и умеренно-реформистское.⁵⁵ В научном плане его представители действовали в духе исторических традиций XIX века, не внося особых существенных новаций. Особую ценность имеют личные дневники и опубликованные мемуары государственных деятелей Российской империи.

Второе направление в российской историографии – центристское. В идейно-политическом аспекте на основе европоцентризма оно объединяет октябристов, либералов-центристов и умеренных социалистов, а также демократических, революционных, интернационалистов-мартовцев. Среди исследователей этого направления необходимо отметить либеральных историков П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, Г.В. Вернадского, А.А.Кизеветтера.⁵⁶ Центристское направление внесло большой вклад в развитие исторической мысли, в том числе в исследование проблем отдельных составляющих и особенностей массового политического сознания русского народа, его миропонимания. Следует выделить Л.П. Карсавина⁵⁷ -

---

⁵⁵ Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. Париж, 1922; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль- сентябрь 1917. Париж, 1926, М., 1991; Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914-1917 гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1960; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939 и др.

⁵⁶ Милюков П.Н. История второй русской революции. Вып. 1-3. Киев, София, Лондон, 1919-24; Miliukov P. Bolshevism: An International Danger. L., 1920; Miliukov P. Russia Today and Tomorrow. N.-Y., 1922; Г. Вернадский. Ленин – красный диктатор. М., 1998; Кизеветтер А. Февраль и Октябрь в ходе русской революции: О новой книге М.В. Вишняка «Два пути» // Сегодня. 1931. 6 мая; Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1931; он же П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997 и др.

⁵⁷ Карсавин Л.П. Философия истории. Берлин, 1923. М., 1993.

ведущего идеолога евразийства, С.Л. Франка⁵⁸ - основоположника русского либерального консерватизма, Н.А. Бердяева⁵⁹ - видного представителя возрождения русского, православно-культурного мессионизма и «персоналистической революции»,⁶⁰ П.Б. Струве⁶¹ - основоположника концепции национально-либерального империализма Великой России, С.Н. Булгакова⁶² - основателя софиологии – «София – мать русская земля». Заметный научный вклад внесли П.А. Сорокин⁶³ - создатель концепций «социологии революции», «социальной и культурной мобилизации и динамики», на которых основаны современные западные теории социальной мобильности и стратификации, а также П.Н. Милуков – автор «теории контрастности» европейской и российской истории.⁶⁴ В конце 30-х годов за рубежом вышло фундаментальное исследование истории участия России в Первой мировой войне генерала Н.Н. Головина.⁶⁵ В 60-70-е годы по естественным причинам эмигрантское ответвление российской историографии прекратило свое существование.

Различные интерпретации русской истории, в том числе отдельных аспектов массового политического сознания, содержат труды зарубежных ученых. Созданные представителями других народов, носителями других традиций, приверженцами самобытных ценностей, эти публикации составляют особый слой историографии. Огромное количество работ, неравноценных по содержанию, уровню исследовательского мастерства, объему вовлеченных в оборот источников и значимости выводов, посвящены анализу «славянской души», национального характера русского народа, выявлению революционных настроений, предпосылок и последствий общественных потрясений, произошедших в России в годы Мировой войны и

---

⁵⁸ Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции. Берлин, 1924, М., 1992; *De profundis // Из глубины.* М., 1918, 1990.

⁵⁹ Бердяев Н.А. Новое средневековье. Берлин, 1924; *Смысл истории.* Париж, 1969, М., 1990; *Истоки и смысл русского коммунизма.* Париж, 1937, М., 1990; *Судьба России.* М., 1918, 1990 и др.

⁶⁰ *Философский энциклопедический словарь.* М., 1999. С.54-55.

⁶¹ Струве П.Б. *Размышления о русской революции.* М., 1921, 1990 и др.

⁶² Булгаков С.Н. *Свет невечерний.* М., 1917; *На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // Из глубины.* М., 1918, 1990; *Философия имени.* Париж, 1953.

⁶³ Сорокин П.А. *Проблема социального равенства.* Пг., 1917; *Он же. Система социологии.* Пг., 1920; *Он же. Современное состояние России.* Прага, 1922.

⁶⁴ Милуков П.Н. *Россия на переломе.* Т.1. С.37.

⁶⁵ Головин Н.Н. *Военные усилия России в мировой войне В 2-х т.* Париж, 1939.

Революции 1917 года. Провести детальный историографический анализ зарубежных исследований в силу огромного количества публикаций крайне сложно и возможно только в рамках специальной работы. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно ограничиться анализом основных тенденций и процессов в развитии зарубежной историографии.

В освещении событий в России, связанных с Первой мировой войной и Революцией 1917 года, в зарубежной историографии преобладала борьба трех основных тенденций: ортодоксальной, консервативно-либеральной, антибольшевистской; либерально-демократической, умеренно антисоветской и либерально-социалистической, просоветской,⁶⁶ в соответствии с которыми и велась разработка разнообразных проблем войны и революции.

Зарубежная историография четко зафиксировала важное место Вооруженных Сил России в истории Мировой войны и Революции 1917 года в России.⁶⁷ В работах красной нитью проходит мысль о том, что большевики разваливали армию, организовывали заговоры в интересах противника, использовали недовольство солдат и матросов в своих корыстных целях, распространены взгляды о военно-путчистском перевороте меньшинства.⁶⁸

Достаточно широко представлена в зарубежной историографии и проблематика истории политических партий России в первой четверти XX века. Это утверждение не относится к правым партиям, упоминания о которых можно найти лишь в контексте общих работ по истории революции 1917 года и исследований деятельности других политических партий.⁶⁹ Значительно более пристальное внимание было уделено истории и

---

⁶⁶ Buchan J.A. History of the Great War. Vol. 1-2. Boston, 1922; The First World War. Causes, Conduct, Consequences. Ed. By J. Remark. N.-Y., 1971; Encyclopedia Americana. Vol.29. N.-Y., 1996; Acton E. Rethinking the Russian Revolution. L., 1990; Borrer M. The First World War. L., 1970; Daniel L.S. World War I. L., 1971; Dukes P. October and the World: Perspectives on the Russian Revolution. L., 1979; Ferraine J. The Great War 1914-1918. L., 1967; Taylor A.J.P. The First World War. L., 1970; Facing Armageddon: The First World War. Experience. By L. Cooper. L., 1996; Leibman M. The Russian Revolution. N.-Y., 1970; Ferro M. The Russian Revolution of February 1917. N.-Y., 1972; Goldstone N. The Russian Revolution. L., 1967; Holliday E.M. Russia in the Revolution. N.-Y., 1967; Schapiro L. Origin of Communist Autocraci. L., 1957; Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921. In 2 v. New York, 1965; Daniels R. V. Red October: The Bolshevic Revolution of 1917. New York, 1967 and other.

⁶⁷ Wettig C. Die Rolle der russischen Armee in revolutionaren Macht-kampf 1917. Wiesbaden, 1967; Frenkin M. Russische Armee und die Revolution. Munchen, 1978; Wildman A. The End of the Russian Army: The Old Army and the soldiers' Revolt (March-April 1917). Princeton, 1980 and other.

⁶⁸ Williams H. The Spirit of the Russian Revolution. L., 1919. P.14; Katkov G., Shukman H. Lenin' s Path no Power. L., 1971. P.60.

⁶⁹ См.: McCauley M. Octobrists to Bolsheviks. Imperial Russia 1905-1917. L., 1984. P.7.

деятельности русских либералов. И если октябристы выделены только сборником документов и работами о их лидерах,⁷⁰ то анализ деятельности конституционно-демократической партии довольно обстоятелен.⁷¹ Западные исследователи крайне негативно относились к большевикам,⁷² лишь немногие из них были способны на более взвешенную их оценку.⁷³ Из современных историков значимых результатов в изучении меньшевиков периода русской революции 1917 года достигла З. Галили.⁷⁴ Важным явлением в зарубежной историографии послеоктябрьского меньшевизма можно назвать монографию В. Бровкина,⁷⁵ в которой исследуется деятельность меньшевиков в первый год пролетарской диктатуры. Не обошли западные историки своим вниманием и партию социалистов-революционеров.⁷⁶ Труды зарубежных исследователей представлена и историография массового сознания. История его изучения на Западе нашла отражение в целом ряде историографических работ, вышедших в нашей стране в последние годы.⁷⁷

Присутствует западная литература, правда в весьма ограниченном количестве, раскрывающая отдельные стороны массового политического сознания русской армии. То, что Октябрь 1917 года формами своего утверждения обязан войне, понимают многие, хотя мало кто из исследователей отважился погрузиться в глубины сознания и психологии этого процесса. Один из наиболее проницательных советологов М. Малиа

---

⁷⁰ См., напр.: *Octobrists to Bolsheviks. Imperial Russia 1905-1917: Documents of Modern History.* L., 1984; Gleason W. *Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire.* Philadelphia, 1983 etc.

⁷¹ Riha T. *Russian European. Pavel Miliukov in Russian politics.* New York, 1969. P.333; *Essays on Russian liberalism / Ed. By C. Timberlake.* Missouri, 1972; Rosenberg W. *Liberals in the Russian revolution. The Constitutional Democratic party, 1917-1921.* Princeton, 1974. P.7-8, 15, 465; Katkov G.T. *Russia, 1917. The February Revolution.* London, 1967. P.174; Miliukov P. *Political Memoirs. 1905-1907.* Aun Arbor, 1967. P.XIV; Hasegawa T. *The February Revolution.* Petrograd, 1917. P.62.

⁷² Chamberlin W.H. *The Russian Revolution 1917-1921. Vol.1.* New York, 1935. P.66, 73; Charques R. *The twilight of imperial Russia.* London, 1958. P.78; Schapiro L. *The Communist Party of the USSR.* New York, 1961. P.160-161.

⁷³ Goldston R. *The Russian Revolution.* New York, 1966. P.152-153.

⁷⁴ Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993 и др.

⁷⁵ Brovkin V.H. *The Mensheviks after October: Socialism and the Rise of the Bolshevik Dictatorship.* Ithaca, London, 1987.

⁷⁶ Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 г. Документы из архива партии социалистов-революционеров. Амстердам, 1988; Сборник эсеровских документов: Jansen M. Партия социалистов-революционеров. Амстердам, 1989; Melason V. *The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti War Movement, 1914-1917.* Columbus, 1990.

⁷⁷ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов»; К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994; Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. №8 и др.

предлагает при выяснении истоков «советской трагедии» сконцентрироваться на породившем ленинизм «беспрецедентном мировом кризисе 1914 – 1918 гг.», но полагает, что приоритет надо отдать идеологии и политике, а не социальным и экономическим отношениям.⁷⁸ При этом полнейшее недоумение вызывают утверждения Р.Пайпса, без всяких на то оснований, что русским солдатам «чуждо было чувство патриотизма в привычном его понимании... Мужичье сознание и категория «русскость» были далеки друг от друга».⁷⁹

Анализ научной литературы по данной проблеме позволяет сделать вывод о том, что в советской, российской и зарубежной исторической науке влияние политических партий России на массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны до настоящего времени не стало объектом комплексного самостоятельного исследования. Разработка отдельных аспектов данной темы носила локальный характер, а сама проблема до сих пор остается малоизученной. В исторических исследованиях отсутствуют разработки составляющих массового политического сознания, фрагментарно освещаются факторы, влияющие на него, нуждается в дополнительном изучении эволюция идей в массовом сознании армии в ходе Мировой войны. Политические взгляды основных российских партий на армию, за исключением большевиков, раскрыты недостаточно полно.

---

⁷⁸ Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917-1991. N.Y., Toronto. P.16, 520.

⁷⁹ Пайпс Р. Русская революция. В 2-х ч. М., 1994. Ч.1. С.230.

1.2. Обзор и классификация исследованных источников

Источники, использованные в работе, можно подразделить на несколько групп документальных комплексов. **Первую группу** составляют труды российских ученых, политических и государственных деятелей⁸⁰, созданные в годы войны и позволяющие изучить эмоциональную и интеллектуальную жизнь общества в начале XX века, выявить место различных политических идей в общественном сознании. Обосновывая собственные суждения об эволюции различных составляющих массового политического сознания, в том числе и действующей армии, историки, философы, правоведы одновременно отражали общественное мнение, тенденции развития массового сознания. Ценность этого вида документов заключается в возможности извлечения информации для анализа идейных позиций основных политических сил России из первоисточников, ознакомления с теоретическими разработками, определяющими в значительной мере не только идеологию, но и цивилизационные, политические, социальные и культурные предпочтения партийных элит. В целях более объективной оценки эти документы использовались в сочетании с анализом реальной политической практики их авторов, возглавляемых ими организаций и партийных течений.

Важнейшую группу источников составляют опубликованные **официальные документы государственно-административных органов и политических партий** (директивные, информационно-отчетные, статистические и другие материалы, стенографические отчеты высших форумов Всероссийских представительных органов: Государственной думы,

---

⁸⁰ Бердяев Н.А. Народ и классы в русской революции. М., 1917; Винавер М.М. Тактика Партии народной свободы. Пг., 1917; Дан Ф.И. О войне и мире. Пг., 1917; Керенский А.Ф. Об армии и войне. Пг., 1917; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.24-49; Мартов Ю.О. Против войны. Сб. статей. (1914-1916). М., 1917; Милоков П.Н. История второй русской революции. В 2-х т. София, 1921-1924; Плеханов Г.В. Сочинения. В 24-х т. М.-Л., 1923-1927; Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2-х т. Нью-Йорк, 1976; Чернов В.М. Война и «третья» сила. Женева, 1915 и др.

съездов Советов, стенографические отчеты партийных съездов и т.д.).⁸¹ К этой же группе относятся постановления и другие материалы высших органов Советской власти.⁸² Эти документы содержат информацию о процессе формирования, сущности и обосновании решений господствующих политических элит по различным вопросам внутренней и внешней политики России в период Первой мировой войны, настроениях и поведении различных слоев населения.

Массовой группой опубликованных документальных источников являются **сборники документов и материалов**, характеризующих различные аспекты экономической и социальной жизни России накануне и в годы войны, развития внутривластной ситуации в этот период, состояния Вооруженных Сил, положения рабочих, крестьян, солдат, революционного движения и иных проявлений социального протеста низов, политической борьбы большевиков со своими противниками в период установления Советской власти.⁸³ В последнее десятилетие были опубликованы новые многочисленные документальные материалы, более полно отражающие объективную картину политической ситуации, социального, экономического развития, политической борьбы в России накануне и в годы Первой мировой войны.⁸⁴ В 2002 году Государственной премии Российской Федерации за достижения в области науки была удостоена работа В.В.Шелохаева, В.В.Журавлева и других авторов «Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Документальное наследие». Издание представляет не имеющую аналогов в

---

⁸¹ Государственная Дума, IV созыв. Стенографические отчеты. Сессии 2-5. СПб., 1914-1916; Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В 2-х т. М.-Л., 1930-1931; Учредительное собрание. Стенографический отчет. М., 1918; Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров. Стенографический отчет. Пг., 1917; Приказы по военному ведомству. Пг., 1917 и др.

⁸² Декреты Великого Октября (1917-1918). Л., 1977; Декреты советской власти. В 10-ти т. М., 1957-1976 и др.

⁸³ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. В 10-ти т. М., 1957-1963; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914-февраль 1917 г. Сб. документов. М.-Л., 1965; Рабочее движение в годы войны. Материалы по истории рабочего движения в России. М., 1957; Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957 и др.

⁸⁴ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25-26 октября 1917 г.). Сборник документов и материалов. М., 1997; Правые партии. Документы и материалы. 1905-1917 гг. В 2-х т. М., 1998; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3-х т. М., 1997-2000; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900-1925 гг. В 3-х т. М., 1996-2000; Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2003; Партии промышленников и предпринимателей. М., 2003 и др.

русской и зарубежной исторической науке фундаментальную инновационную научную публикацию обширного комплекса источников по истории становления и функционирования многопартийности в нашей стране в первой трети XX века. Оно расширяет, а в ряде случаев вносит принципиальные уточнения в состояние организационных структур политических партий, их прямые и обратные связи с электоратом, формы и методы воздействия на массовое сознание, в том числе и армии, взаимоотношения с ветвями власти, межпартийные контакты, многочисленные оттенки мнений, существовавших в партиях по важнейшим экономическим и социально-политическим вопросам, включая отношение к Первой мировой войне, Революции 1917 года и участия армии в них, в процессы выработки и принятия решений по всей совокупности проблем, вставших перед ними в военно-революционный период начала XX века. Значительно расширяют источниковую базу исследования сборники документов, раскрывающие состояние армии, в том числе и действующей, в различные периоды Мировой войны и революции.⁸⁵

В качестве источников исследования **использовались хроники событий,⁸⁶ сборники статистических материалов,⁸⁷ энциклопедии.⁸⁸** Интересным статистическим материалом для анализа состояния действующей русской армии перед началом Первой мировой войны и в ее ходе располагают соответствующие сборники, посвященные Вооруженным Силам.⁸⁹

Одним из видов источников в работе стали материалы более 150 центральных, региональных и армейских **изданий периодической печати**

---

⁸⁵ Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сб. документов. М., 1977; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. - март 1918 г. Сборник документов. М., 1977; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917- март 1918 г. Сб. документов. М., 1982; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 года- март 1918 года. Сб. документов под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1973; Революционное движение в русской армии. 27 февраля- 24 октября 1917 года. Сб. документов под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1968 и др.

⁸⁶ Авдеев Н. Революция 1917 г. Хроника событий. В 2-х т. М., 1923; Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 6-ти т. М., 1957-1987 и др.

⁸⁷ Мировая война в цифрах. М., 1934 и др.

⁸⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987; Политические партии России. Конец XIX- первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996 и др.

⁸⁹ Армия и флот. Военный справочник. Париж, 1928; Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914; Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1925 и др.

основных общественно-политических направлений, издававшейся на территории России в июле 1914 – марте 1918 годов. Оперативность и непосредственный характер реагирования на происходящие события, наличие обратной связи с читателями делают периодическую печать, даже с учетом цензурных ограничений дореволюционного периода, важнейшим источником изучения общественных настроений, взглядов, массового сознания и поведения различных слоев населения в условиях войны. Многочисленная партийная и армейская печать, издававшаяся в огромных количествах, особенно в 1917 году, раскрывала перипетии политической борьбы в стране, в том числе и за действующую армию, отношение самой армии к происходящим в стране переменам.

Наиболее важными для избранной темы являлись **источники личного происхождения** – письма (вовлечено в оборот 20 опубликованных сборников, писем и архивные коллекции), дневники (около 40 опубликованных и архивные записи), мемуары (более 270 опубликованных, а также хранящихся в архивах воспоминания очевидцев событий.) Они имеют, подчас, не меньшее, а даже большее значение, чем источники, безличностно, чисто фактологически, отражающие социально-политическое бытие, потому что, в отличие от последних, позволяют непосредственно проникать в духовный мир человека, выявлять побудительные мотивы его поведения.

В качестве источника специально были привлечены **письма**⁹⁰ представителей различных социальных слоев: сановной элиты, императора, дворян, интеллигенции, мещанства, рабочих, крестьян, солдат, офицеров, генералов. Мысли, чувства, впечатления, зафиксированные в письмах, явились ценнейшим материалом для политической и социально-психологической характеристики российского общества, выявления места политической составляющей в массовом сознании, в том числе и в действующей армии.

---

⁹⁰ Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. М., 1917; Молодцова Н. Солдатские письма. Казань, 1917; Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924; Соблазнитель генералов. (Переписка В.А.Маклакова с И.И.Тхоржевским) // Родина. 1997. №2; Солдатские письма 1917 года. М.-Л., 1927 и др.

Об индивидуальном и массовом сознании начала XX века позволяют судить **дневники**.⁹¹ Записи отражали взгляды авторов в первоначальной форме без последующих наслоений, хотя сведения эти были, подчас, отрывочными и несистематизированными, страдали отсутствием исторической дистанции, субъективизмом, эмоциональностью, отсутствием пропорции, преувеличением значения частного в ущерб общему.

Благодатным материалом для проникновения в психологию и образ мыслей людей являются **мемуары**. Если до середины 80-х годов в этой группе источников абсолютно преобладали воспоминания большевиков, то позднее стали доступны находившиеся в отделах специального хранения и закрытых архивных фондах воспоминания представителей небольшевистских политических сил, часть которых была издана значительными тиражами.⁹² При работе с этим видом источника учитывалось, что содержание мемуаров определялось особенностями восприятия автора, его социальным положением, осведомленностью, мировоззрением и жизненным опытом, а также задачами, которые автор перед собой ставил. Субъективизм проявлялся в симпатиях и антипатиях автора к персонажам воспоминаний, пристрастном отборе фактов. Значимым фактором являлось также время (до или после 1917 года) и обстоятельства (в Российской империи, в Советской России или в эмиграции), при которых составлялись мемуары. Несомненно обогатили современные представления о массовом политическом сознании действующей армии в различные периоды Первой мировой войны и Революции 1917 года воспоминания известных российских военачальников, офицеров, солдат.⁹³ Мемуары представляют

---

⁹¹ Блок А.А. Дневник. М., 1989; Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914-1918 гг.). Пг., 1918; Дневник барона А. Будберга // Архив русской революции. Т.12; Пуришкевич В.М. Дневник. Киев, 1918; М., 1990; Тыркова-Вильямс А. Дневник. Париж, 1926 и др.

⁹² Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. М., 1991; Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; Джунковский В.Д. Воспоминания. В 2-х т. М., 1997; Керенский А.И. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993; Маклаков В.А. Власть и общественность на защите старой России. Воспоминания. В 3-х кн. Париж, 1936; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991; Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1923; Октябрьская революция: мемуары. М., 1999; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991; Революция в деревне в 1917 г. Воспоминания крестьян. М., 1927; Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926; Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993; Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923 и др.

⁹³ Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1930; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983; Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба. За

собой результат субъективного преломления событий и переживаний прошлого в сознании человека, обогащенного новым опытом, поэтому их данные необходимо подвергать критической проверке и сопоставлению с материалом других источников, ибо зачастую мемуары, особенно политиков, столь же ненадежны, как и их ремесло: обычно это попросту поток обвинений и самооправданий. В то же время уникальность текстов воспоминаний позволяет использовать дискурсивные, герменевтические методы исследования.

В ходе исследования проанализировано большое число **архивных материалов** – 1260 дел 220 фондов 9 архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского Государственного военного архива (РГВА), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского Государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ). В числе архивных источников использовались как частные коллекции, так и делопроизводственные материалы: отчеты, регистрационные документы, судебно-следственная документация, содержавшие информацию о настроении населения, распространении различных слухов, эффективности революционной пропаганды.

Специфика источниковой базы настоящего исследования заключается в том, что большая часть неопубликованных документов аккумулирована в центральных архивах. Это объясняется мобилизацией в действующую армию многомиллионных народных масс из разных регионов страны (основные

1917-1918 гг. Таллинн, 1929; Гордиенко И.М. Из боевого прошлого (1914-1918). М., 1958; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1999; Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992; Лезин М. Воспоминания рядового. Горький, 1958; Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967; Оськин Д.П. Записки прапорщика. М., 1931; Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны: Воспоминания рядового. М., 1926; Чемоданов Г.М. Последние дни старой армии. М., 1926 и др.

материалы по ее состоянию, военно-цензорские отчеты и сводки отложились в РГВИА), объявлением ряда губерний на военном положении и положении чрезвычайной охраны, что обусловило строжайшую централизацию сбора информации о настроениях населения, рабочем и крестьянском движении и, особенно, о положении в действующей армии (отчетные материалы различных правительственных ведомств сосредоточены в ГАРФ и РГВИА).

Анализ всей совокупности привлеченных в ходе исследования источников позволил обосновать выдвинутые гипотезы, выяснить ряд существенных характеристик массового политического сознания российского общества и действующей армии в начале XX века, адекватно представить динамику социально-политических процессов.

Глава II. Анализ изменения настроений в русской армии на первом (1914-1916 гг.) и втором (1916- февраль 1917 гг.) этапах Первой мировой войны

2.1.Состояние дисциплины в российской армии на начало Первой мировой войны

Дисциплина Вооруженных Сил – составная часть дисциплины общества, условие их боеготовности и боеспособности. Поддержание ее на должном уровне является важной обязанностью государства, органов военного управления, должностных лиц и всех военнослужащих.

История изобилует примерами, в которых величие побед одних армий над другими достигалось за счет стойкости, выдержки и дисциплинированности войск. Проблема создания оптимальной системы укрепления воинской дисциплины всегда стояла и перед Российским государством.

Важное значение вопросам укрепления воинской дисциплины уделяли видные государственные и военные деятели нашего Отечества: Петр I, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, М.И. Драгомиров, Д.А. Милютин, М.И. Скобелев⁹⁴, А.Ф. Редигер и др.⁹⁵ Ко второй половине XIX - началу XX вв. в Российской армии был накоплен значительный опыт укрепления воинской дисциплины и порядка в войсках, была создана школа воинского воспитания, способствовавшая внедрению в войска сознательной воинской дисциплины, основанной на нравственности и правосознании военнослужащих.

Необходимость укрепления воинской дисциплины в исследуемый период была обусловлена и рядом факторов экономического, социально-политического и военного характеров.

---

⁹⁴ См.: О долге и чести воинской в Российской армии // Сборник материалов, документов и статей. М.: Воениздат, 1990.

⁹⁵ См.: Редигер А.Ф. История моей жизни // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С.82-85.; 1991. № 1. С.57-63.

К группе факторов экономического плана можно отнести тенденции индустриализации, роста товарности сельского хозяйства, активизации всероссийского и внешнего рынков, неравномерности промышленного развития экономических регионов страны и некоторые другие, вследствие чего происходили изменения в социальной структуре страны и армии, соответствующим образом увеличивалась прослойка представителей рабочих, ремесленников и мелкой буржуазии среди нижних чинов, менялся облик типичного офицера.

«Доля офицеров недворянского происхождения резко выросла и в конце XIX века составляла 50-60%, а среди офицеров – потомственных дворян преобладали представители чисто офицерских служилых родов, тогда как значительная часть знатных фамилий утрачивает интерес к службе... К началу XX века ... большинство служилого сословия составляли представители родов, начавших служить не ранее середины XIX века., т.е. принадлежавших к нему в первом-втором поколении»⁹⁶. Перед первой мировой войной «...Российское кадровое офицерство было, по своему происхождению, всесословным.»⁹⁷.

К группе факторов социально-политического содержания мы относим укрепление демократических начал в общественной жизни (бессословные выборные органы местного самоуправления, бессословный суд, демократизация высшего и среднего образования, появление относительно «свободной» прессы и т.д.); изменения в социально-политической системе общества, которые происходили под влиянием революционного движения на рубеже XIX-XX вв.; влияние характера целей и задач внешнеполитической деятельности государства. Воздействие этих факторов приводит к появлению в обществе и армии свободной личности, требующей новых отношений, новых методов управления ее поведением.

---

⁹⁶ Цит. по: *Волков С.* Российское офицерство как служилое сословие // Российский Военный сборник. М., 2000. Вып. 17. С.517.

⁹⁷ Цит. по: *Меснер Е.* Российские офицеры // Под. ред. А.Б. Григорьева. М.: Издательский Центр «Анкил»-«Воин», 1995. С.9.

Дестабилизация общественной жизни начинает негативно влиять на состояние дисциплины в Российской армии.

Так, например, наиболее ярко эта зависимость проявилась в период русско-японской войны 1904-1905 гг. и первой русской революции 1905-1907 гг., когда ошибки государственной власти⁹⁸ привели к резкому ухудшению порядка и организованности в войсках, заставили царское самодержавие пойти на военные реформы.

К группе факторов военного характера, обусловивших необходимость укрепления воинской дисциплины, следует отнести: создание и постоянное совершенствование органов высшего, центрального и местного военного управления; вооружение новыми образцами военной техники, применение в войсковой практике новых способов боевых действий, обучения и воспитания войск; опыт укрепления воинской дисциплины в армиях западноевропейских государств. Все эти факторы особо проявляли себя в период проведения военных реформ 1862-1874 гг. и 1905-1912 гг.

Центральным событием строительства Вооруженных Сил второй половины XIX – начала XX вв. стал переход на новый способ комплектования. Принятие в 1874 г. Устава о воинской повинности способствовало укреплению авторитета воинской службы, улучшило состояние воинской дисциплины, изменило всю систему ее укрепления. Военное министерство в связи с этим подчеркивало, что новый порядок призыва требует проведения целого комплекса работ, направленных к «определению личного положения военнослужащих и соответствующим изменениям всего воинского быта»⁹⁹.

В результате произошла переоценка роли и места офицеров в обучении и воспитании подчиненных. Если ранее эти задачи решались в основном младшими командирами, то теперь в новых условиях – офицерским составом. «Теперь бытовые условия нашего общества изменились, – писал видный

---

⁹⁸ См.: Ленин В. И. Падение Порт-Артура. Полное собрание сочинений. 1905. Т.9 С.156.

⁹⁹ РГВИА, ф.1, оп.2, д.22, л.22.

военачальник и военный теоретик М.И. Драгомиров, – да и в воинском организме переворот полный: весьма мало учителей, весьма много учеников При таком положении верно одно: если офицер не сделает, то и никто не сделает...»¹⁰⁰.

Всеобщая всесословная воинская повинность способствовала укреплению связей между народами и представителями различных религиозных конфессий, населявшими просторы Российской империи. Многонациональный и многоконфессиональный состав призывного контингента потребовал от органов военного управления проведения соответствующей работы по обеспечению политической благонадежности и дисциплины инородческого элемента. Как подчеркивалось военным министром Куропаткиным, в связи с призывом 26,6 % неславянских народностей перед вооруженными силами стоит задача сделать их в течение 4-х лет «вполне надежными во всех отношениях, преданными Царю и Великой России»¹⁰¹.

Система укрепления воинской дисциплины – это установленный и сложившийся порядок административно-дисциплинарной и воспитательной деятельности на всех ее уровнях, начиная от первичного воинского коллектива в полку и заканчивая высшими государственными и военными органами.

В системе укрепления воинской дисциплины на начало исследуемого периода, выделялось три стороны: идейно-теоретическая, организационная и содержательно-практическая. Идейно-теоретическая сторона включала в себя теоретическое обоснование сущности понятия «воинская дисциплина», идеологическую основу дисциплинирования военнослужащих, которая определялась девизом: «За веру, царя и Отечество»¹⁰². Организационная сторона была представлена всеми государственными и военными органами, занимавшимися вопросами укрепления правопорядка и законности в войсках.

---

¹⁰⁰ Драгомиров М.И. Армейские заметки // Сборник оригинальных и переводных статей М.И. Драгомирова 1856-1880: В 2 т. СПб., 1881. С.2.

¹⁰¹ РГВИА, ф.165, оп.1, д.602, л.44

¹⁰² РГВИА, ф.487, оп.1, д.68, л.96.

К их числу относились: органы военного управления, военно-правовые органы, правоохранительные органы, органы военного духовенства.

К элементам содержательно-практической стороны относились формы и методы, объект и субъект укрепления дисциплины, законодательная, исполнительно-распорядительная, правоохранительная деятельности, духовно-нравственное воспитание.

К началу Первой мировой войны военно-правовые документы строго очертили правовое поле, в пределах которого проводилась работа по укреплению воинской дисциплины. Дисциплинарный устав¹⁰³ и Воинский устав о наказаниях¹⁰⁴ четко разделили границу, где поведение военнослужащего считалось дисциплинированным, а где недисциплинированным. В случаях различного рода нарушений, проступков и преступлений поведение считалось недисциплинированным, и воин подвергался различного рода санкциям – от дисциплинарного взыскания до смертной казни.

Исследование механизма обновления дисциплинарного законодательства свидетельствует о том, что высшие государственные и военные лица, назначенные в комиссии по разработке проектов документов, руководствовались в своей законотворческой работе принципами гуманизма и справедливости, заботились о здоровье и благополучии офицеров и нижних чинов¹⁰⁵. Это подтверждает и мнение известного в то время военного педагога Д.Н. Трескина, который утверждал, что: «Новые военные законы, изданные после Севастопольской войны, в основу дисциплины ставят не суровость наказаний, а нравственное воспитание солдата»¹⁰⁶.

---

¹⁰³ См.: Устав дисциплинарный 1912 г. // Свод военных постановлений 1869 г. СПб., 1917. Кн.23. С.7-39.

¹⁰⁴ См.: Высочайше утвержденный Воинский Устав о наказаниях 1875 г. РГВИА, ф.801, оп.61/2, д.305, л.362-504.

¹⁰⁵ РГВИА, ф.801, оп.61/2. д.311, л.1-123

¹⁰⁶ Трескин Д.Н. Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформ русского военного дела. Киев, 1909.

Законотворческая деятельность в области воинской дисциплины осуществлялась с помощью военно-правовых органов¹⁰⁷ (император - военный министр – Военный совет (Кодификационный отдел при Военном Совете, Законодательный отдел Канцелярии Военного министерства) – Военно-окружные Советы). Значительное влияние на решение дисциплинарных проблем в Российской армии оказывала деятельность Государственного совета¹⁰⁸ и Государственной думы (с 1906 г.)¹⁰⁹.

Внедрение военно-правовых актов в войсковую дисциплинарную практику происходило через органы военного управления. Во главе системы военного управления России находился глава государства – император. Нижестоящими по отношению к Императору уровнями военного управления согласно законодательству и теоретическим взглядам того периода были: центральное военное управление¹¹⁰, военно-окружное управление¹¹¹, местное управление¹¹² и строевое военное управление.¹¹³

Важным направлением в деятельности Российского государства по укреплению законности и правопорядка в Вооруженных силах **являлась правоохранительная деятельность военных судов, прокуратуры и военно-исправительных учреждений.**

Принятый в 1867 г. Устав Военно-Судебный определил отечественную военно-судебную систему на весь исследуемый период¹¹⁴. Она включала в себя полковые суды, военно-окружные суды и Главный военный суд. Основную нагрузку по обеспечению правосудия и дисциплины непосредственно в частях несли полковые суды. Они рассматривали дела о преступлениях и проступках нижних чинов и могли подвергать их

---

¹⁰⁷ См.: *Бесов А.Г.* Военная политика России в XIX веке. М., 2001. С.110; *Кудейкин В.Ю.* Деятельность государственных органов России по правовому регулированию строительства армии (XIX в. – февраль 1917 г.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С.49.

¹⁰⁸ См.: *Дегтярев А.П.* Деятельность Государственного совета России в области бюджетного финансирования и комплектования армии и флота (1810-1917): Монография. М.: Военный университет. 2004.

¹⁰⁹ См.: *Дегтярев А.П.* Военные проблемы в деятельности Государственной думы России (1906-1917 г.). Исторический опыт и уроки // Сборник научных статей. М.: Военный университет. 1995.

¹¹⁰ Свод военных постановлений. 1869 г. Изд.1907. Кн.1.

¹¹¹ Свод военных постановлений. 1869 г. Изд.1907. Кн.2.

¹¹² Свод военных постановлений. 1869 г. Изд.1907. Кн.3.

¹¹³ Свод военных постановлений. 1869 г. Изд.1907. Кн.5.

¹¹⁴ См.: Устав Военно-Судебный 1867 г. // Свод военных постановлений. СПб. 1869. Кн. XXIV.

наказаниям либо в уголовном, либо в дисциплинарном порядке. Параллельно с полковыми судами в частях Российской армии до середины 90-х гг. XIX в. осуществляли правосудие и Дисциплинарные суды¹¹⁵.

Поддержанию правопорядка в армии служила деятельность военной прокуратуры, основной функцией которой был военно-прокурорский надзор в войсках. Организация полицейской службы способствовала наведению уставного порядка в местах дислокации частей. Для военнослужащих, уже совершивших воинские преступления и приговоренных судом к исправительным наказаниям, были предусмотрены особые места заключения – дисциплинарные батальоны и военные тюрьмы.

Анализ статистики правонарушений позволяет сделать ряд выводов, характеризующих состояние воинской дисциплины в исследуемый период и особенности деятельности государственных и военных органов по ее укреплению. Во-первых, среднегодовой показатель числа осужденных значительно уменьшился сразу же после принятия в 1874 г. Устава о всеобщей воинской повинности. С 1881 г. в условиях «антиреформы» количество совершенных преступлений стало постепенно увеличиваться и к 1905-1910 гг. этот процесс принял лавинообразный характер. К 1914 г. уровень преступности в армии вновь понизился¹¹⁶. Во-вторых, в сфере уголовной и дисциплинарной ответственности за воинские преступления и проступки имели место тенденции к смягчению наказаний. Вместе с тем в периоды революционных «брожений» судебная репрессия набирала обороты: создавались военно-полевые суды, вводился крайне упрощенный порядок судопроизводства, количество смертных приговоров резко возрастало. В-третьих, основную долю правонарушений составляли нарушения воинского благочиния (неоднократные случаи пьянства и других малозначительных проступков); нарушения воинского чинопочитания и подчиненности; побег и самовольные отлучки; преступления против собственности частных лиц¹¹⁷.

---

¹¹⁵ См.: *Иллюстров И.* Военные суды в Русской Армии за 25-летие (1861-1885 гг.). СПб., 1890.

¹¹⁶ См.: Всеподданнейшие отчеты по Военному министерству. СПб. 1885, 1890, 1895, 1900, 1905, 1910 гг.

¹¹⁷ См. Там же.

Духовно-нравственное воспитание военнослужащих в исследуемый период осуществлялось через образование и воспитание офицерских кадров в военных учебных заведениях¹¹⁸; преодоление безграмотности и культурно-досуговую работу среди нижних чинов; организацию боевой подготовки и воинского воспитания¹¹⁹ в войсках; религиозно-нравственное воздействие Русской православной церкви¹²⁰; допризывную подготовку молодежи к службе в армии¹²¹. Большое влияние на сознание и поведение военнослужащих оказывал исторически сформировавшийся и нашедший свое закрепление в воинских уставах «обиход жизни войсковой части»¹²² (внутренний порядок, муштра, строй, традиции, ритуалы, понятия о воинской нравственности, организационно-атрибутивные факторы).

2.2.Использование людских ресурсов в годы войны

До начала мобилизации русская армия насчитывала 1 млн. 423 тыс. чел. В ходе войны в нее призвали еще 13 млн. 700 тыс. чел. Таким образом, всего было поставлено под ружье 15 млн. 378 тыс. чел. (округленно около 15,5 млн. чел.) Для крестьянской России это была огромная цифра: в армию ушла половина трудоспособных мужчин (из 1000 чел. - 474); из каждых 100 крестьянских хозяйств убыло по призыву 60 мужчин самого “тяглого” возраста, в результате более половины хозяйств остались без кормильцев.

По отношению ко всему населению страны (без различия пола и возраста) из каждой тысячи граждан убыло на войну 112 чел. Полные статистические сведения о призванном людском контингенте приведены в таблице 47, составленной по наиболее достоверным источникам

---

¹¹⁸ См.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. М. 1973. С.299.

¹¹⁹ См.: Проект Положения об обучении войск всех родов оружия. РГВИА, ф.868, оп.1, д.820, л.15.

¹²⁰ ПСЗ. Изд. I. Т.26. №19263. С.28; См.: Высочайше утвержденный Устав внутренней службы. СПб: Товарищество «В.А. Березовский», 1916.

¹²¹ См.: В 1911 г. был издан «Учебник для ведения строевых и гимнастических занятий в народных школах и других учебных заведениях». РГВИА, ф.400, оп.3, д.4707, л.68.

¹²² См.: *Ольховский П.Д.* Воинское воспитание // Российский военный сборник. М.: ВУ, 1997. Вып. 13. С.196.

Объемы призыва людских ресурсов в русскую армию на различных этапах войны

Период времени	Категории призванных военнообязанных	Количество призванных (в тыс.)	Всего взято из населения (нарастающим итогом) (в тыс.)	
1914 г.				
На 18.07.	Численность русской армии к началу мобилизации		1423	
В течение августа - сентября	Нижние чины армии и флота, офицеры, врачи и средний медперсонал, класные чины (военные чиновники, казаки)	3115		
	Ратники* ополчения запаса 1 разряда в возрасте 40 - 43 лет, отслужившие действительную службу	400		
	Ратники ополчения запаса 1 разряда, не служившие в армии, в возрасте 22-25 лет	400		
В течение октября - ноября	Ратники ополчения запаса 1 разряда, не служившие в армии, в возрасте 22-32 лет	500		
	Новобранцы** в возрасте 21 года	715		
Итого		5130	6553	
1915 г.				
В течение января - августа	Ратники ополчения запаса 1 разряда, не служившие в армии, в возрасте 21-36 лет	1080		
	Новобранцы в возрасте 21 года	1305		
В течение сентября - ноября	Ратники ополчения запаса 1 разряда, не служившие в армии, в возрасте 20-38 лет		05	
	Ратники ополчения запаса 2 разряда, в возрасте 20-26 лет		325	
	Новобранцы в возрасте 21 года		32	
Итого			047	1600

1916 г.		
В течение января - августа	Ратники ополчения запаса 1 разряда, не служившие в армии, в возрасте 21-40 лет	30
	Ратники ополчения запаса 2 разряда, в возрасте 28-31 года	00
	Переосвидетельствованные белобилетники***	00
	Новобранцы в возрасте 19 лет	08

Ратник - солдат государственного ополчения России, существовавшего до октября 1917 г. В ополчение входили: военнообязанные (от 20 до 43 лет), которые в мирное время были освобождены от призыва в армию из-за негодности к военной службе, но считались годными к ней в военное время; лица ранее проходившие военную службу и числившиеся в запасе (до 43 лет). Государственное ополчение делилось на ратников 1 разряда, годных к строевой службе и предназначавшихся для пополнения действующей армии, и ратников 2 разряда, годных к нестроевой службе. В связи с тем, что к середине 1915 г. почти весь контингент ратников ополчения 1 разряда был исчерпан, остро встал вопрос о пополнении действующей армии ратниками 2 разряда. - Военно-исторический журнал, 1993, № 6, с. 62-66).

Новобранец - в дореволюционной России лицо призывного возраста, зачисленное на действительную военную службу уездным, городским или окружным военным присутствием. После призыва новобранцы направлялись в воинские части в составе особых маршевых команд или этапным порядком в собственной одежде, с выдачей на путь следования кормовых денег. С момента прибытия в часть они становились солдатами (матросами). Призывной возраст новобранцев во время войны снизился с 21 года до 19 лет.

Белобилетник - лицо, освобожденное от призыва в армию в связи с негодностью к военной службе по состоянию здоровья.

В таблице приводятся обобщенные сведения о возрастном составе всего людского контингента, призванного в русскую армию накануне и в ходе войны.

Таким образом, всего в российские вооруженные силы было привлечено во время войны 15 млн. 378 тыс. чел. Из них:

Состояло в армии до начала мобилизации - 1 млн. 423 тыс. чел.;

Призвано по мобилизации - 13 млн. 955 тыс. чел.

В том числе:

Чинов запаса всех категорий - 3 млн. 115 тыс. чел.;

Ратников ополчения 1-го разряда, переведенных из запаса 400 тыс. чел.;

Ратников ополчения 1-го разряда, не проходивших действительную военную службу, - 2 млн. 705 тыс. чел.;

Ратников ополчения 2 разряда - 3 млн. 75 тыс. чел.;

Новобранцев - 4 млн. 460 тыс. чел.;

Переосвидетельствованных белобилетников - 200 тыс. чел.

Возрастной состав русской армии в годы войны

Возраст	Численность возрастных групп (округленно)	В процентах
19 лет	2,5 млн. чел.	16
20-29 лет	7,6 млн. чел.	49
30-39 лет	4,6 млн. чел.	30
40 лет и старше	0,8 млн. чел.	5
Итого	15,5 млн. чел.	100

Далее представлены сведения о численности военнообязанных, которые подлежали призыву во время войны в соответствии с законом о воинской повинности, но получили отсрочку как работавшие на нужды обороны государства на 1 октября 1916 г. Эти сведения исчисляются следующими цифрами:

1) Чинов запаса, работавшие на заводах и предприятиях военного и морского ведомств, железных дорогах, коммерческих и портовых судах - 173

тыс. чел.;

2) Ратники ополчения, работавшие на тех же объектах оборонного значения - 433 тыс. чел.

3) Служащие в казенных учреждениях, уход которых в армию мог неблагоприятно отразиться на работе указанных учреждений 64 тыс. чел.

Таким образом, всего получили отсрочку - 670 тыс. чел.

Кроме того, законом от 6 декабря 1915 г. были предоставлены дополнительные отсрочки военнообязанным всех категорий, работавшим на оборону. В их числе:

новобранцы - 99850;

ратники ополчения моложе 26 лет - 175650;

работавшие на строительстве железных дорог - 72000;

служащие по вольному найму в ведомстве путей сообщения - 173498;

служащие в земском и городском союзах - 5352;

служащие учреждений военно-промышленных комитетов - 976312;

служащие в частных кредитных учреждениях - 3700 чел.

Общее количество получивших отсрочку среди работавших на нужды обороны - 1506362. чел.

Всего имели отсрочку от призыва на 1 октября 1916 г. 2176362 военнообязанных. К концу войны количество получивших отсрочку возросло до 2,5 млн. человек. По отношению к общему числу призванных в армию (15 млн. 378 тыс. чел.), это составило 16%. Общая численность военнообязанных, призванных в армию (15,378 млн. чел), и военнообязанных, получивших отсрочку ввиду признания их работы чрезвычайно важной в рамках военных усилий страны (2,5 млн. чел.), достигла громадной цифры в 18 млн. чел.

Укомплектование и численность действующей армии

Согласно “Положению о полевом управлении войск в военное время” (1912 г.) действующей армией России в первую мировую войну назывались сухопутные и морские вооруженные силы, военные управления и

учреждения, подчиненные Верховному главнокомандующему. Территория же, предназначенная для развертывания и размещения действующей армии, именовалась театром военных действий.

Внутри страны находились запасные войска, занимавшиеся обучением призываемых новобранцев и ратников, войска охранной службы, а также многочисленные учреждения, обслуживавшие действующую армию. Все эти тыловые структуры вооруженных сил подчинялись военному министру.

Численность русской действующей армии непрерывно менялась в зависимости от понесенных потерь и их восполнения. Аналогичная зависимость между приходом, расходом и наличием людей существовала и в российских вооруженных силах в целом. Так, после призыва запасных чинов первой очереди их численность (вместе с предвоенным личным составом) была доведена к 1 августа до 4 млн. 700 тыс. чел. в действующей армии военнослужащих из этого общего числа должно было находиться 3 млн. 500 тыс.

В связи с тем, что сосредоточение сил, предназначенных для полного укомплектования действующей армии, закончилось лишь через 2,5 месяца после объявления мобилизации, то есть к 1 октября, то установить численный состав войск и учреждений, находившихся на театре военных действий до начала поступления призывного контингента, не представилось возможным (из-за отсутствия документов по этому вопросу) Тем более, что за это время на Восточно-Европейском ТВД произошло несколько кровопролитных сражений (Восточно-Прусская и Варшавско-Ивангородская операции, Галицийская битва), в которых русская действующая армия понесла огромные потери. В результате ее численность к концу сосредоточения составляла всего 2 млн. 700 тыс. чел. Между тем, интенсивные бои продолжались (Лодзинская и Ченстохово-Краковская операции в ноябре месяце), повлекшие многочисленные боевые потери в войсках. К тому же увеличилось число заболевших солдат и офицеров. Поэтому приведенная выше цифра уменьшилась к 1 декабря до 2 млн. чел.

Катастрофическое уменьшение численности личного состава действующей русской армии явилось следствием тех громадных потерь, которые пришлось нести ей в 1914 г. ради спасения Франции от разгрома немцами в ходе Марнской битвы. Пополнения же из-за непродуманной организации запасных войск не успевали своевременно прибывать. В дивизиях вместо 15 тыс. бойцов насчитывалось в среднем 7-8 тыс. чел.

Наконец, к 1 января 1915 г., благодаря принятию экстренных мер, укомплектование фронтовых частей и соединений в основном закончилось. Их общая численность увеличилась до 3 млн. 500 тыс. чел. Однако ожесточенные январско-февральские бои (Августовская оборонительная операция, начало Праснышской оборонительной операции на Северо-Западном фронте) вновь понизили численный состав действующих войск к 15 февраля до 3 млн. 200 тыс. чел. После доукомплектования поредевших частей и прибытия на фронт новых формирований численность действующей армии намного возросла и к 1 апреля 1915 г. составляла 4 млн. 200 тыс. чел.

Однако менее чем через три недели, 19 апреля австро-германским превосходящим силам удалось осуществить Горлицкий прорыв в Галиции. Войска русского Юго-Западного фронта, испытывавшие в это время острый недостаток в боеприпасах, вновь понесли большие потери. Численность действующей армии снова сократилась и к 15 мая составила 3 млн. 900 тыс. чел.

Один из офицеров британской военной миссии капитан Нейльсон, оказавшийся свидетелем тяжелых боев 3-й русской армии Юго-Западного фронта (на нее главным образом обрушился удар объединенных войск противника), в своем донесении от 11 июля сообщает: “Все последние наступления были просто убийства, так как мы без артиллерийской подготовки атаковали неприятеля, обладающего многочисленной легкой и тяжелой артиллерией

Вследствие больших утрат в летнюю кампанию 1915 г. численность действующих войск к 15 сентября снижается до 3 млн. 800 тыс. чел.,

несмотря на их неоднократные пополнения. Через месяц эта цифра начинает немного увеличиваться и вновь доходит до 3 млн. 900 тыс. чел. В связи с тем, что в октябре 1915 г. интенсивность боевых действий значительно понизилась уровень укомплектованности войск фронтов быстро возрос, достигнув 1 ноября 4 млн. 900 тыс. чел.

Вступление генерала М.В. Алексева в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего (23 августа 1915 г.) знаменует начало внедрения более совершенных научных методов в деле высшего управления войсками. Проводится энергичная, продуманная работа по восстановлению вооруженных сил после пережитых неудач и потрясений летом 1915 г. Существующие части полностью укомплектовываются, создаются новые формирования, улучшается организация запасных войск. В результате численность действующей армии быстро растет. К 1 февраля 1916 г. она достигает 6 млн. 200 тыс. чел. К 1 апреля того же года она увеличилась до 6300 тыс., а к 1 июля - 6 млн. 800 тыс. чел.

Победоносные бои войск Юго-Западного фронта ("Брусиловский прорыв"), которые велись в мае - июле 1916 г. (в основном в интересах оказания помощи Франции, атакованной под Верденом, и ради спасения Италии от полного ее разгрома австро-венгерскими войсками), тоже сопровождалась немалыми потерями. Поэтому численность русских войск понизилась к 1 сентября до 6 млн. 500 тыс. чел. (с учетом поступившего пополнения). На таком уровне она оставалась до начала октября, а в связи с последующим затишьем в боевых действиях быстро увеличилась до 6 млн. 845 тыс. чел. Эта же численность была представлена в секретном отчете военного министра за 1916 г. по состоянию на 1 января 1917 г.).

В связи с революциями 1917 г. (февральской и Октябрьской) начинается развал действующей русской армии из-за участвовавшего дезертирства среди рядового состава и падения дисциплины в войсках. Это состояние начинает отражаться и в статистических показателях о ее численности. Об этом свидетельствуют итоговые данные за два периода 1917

г.: на 1 мая наличный состав действующей армии снизился до 6 млн. 800 тыс. чел. (с учетом поступившего пополнения); на 1 сентября - до 6 млн. чел. Петроградский ВО, который только числился на тот момент в действующей армии, исключен из счета.

Ниже приведены таблицы, в которых содержатся более подробные статистические данные о численности действующей армии с 1914 по 1917 г.

Состав войск, управлений и учреждений действующей армии по периодам (с 1 октября 1914 г. по 1 ноября 1916 г.)

Периоды	Состояло по списку				
	Всего	В том числе			Солдат
		Офицеров	Классовых чинов	Строевых	
На 1 октября 1914 г	2711253	38156	17512	2283831	371754
На 1 декабря 1914 г.	2000000	27400	14400	1675000	283200
На 1 января 1915 г.	3513745	48886	27023	2890392	547444
На 15 мая 1915 г.	3941689	52872	20212	3356071	512534
На 15 сентября 1915 г.	3855722	58011	24357	3190402	582952
На 1 февраля 1916 г.	6206743	89432	37876	5042450	1036985
На 1 июня 1916 г.	6773061	105797	43850	5569607	1053807
На 1 ноября 1916 г.	6963503	115201	49871	5574516	1223915

Сведения о численности военных чинов на фронтах русской армии на 1 мая 1917 г. (в тысячах)

Наименование фронтов	Офицеров	Классных чинов	Солдат	Всего
Западный	27,3	11,2	1368,3	1406,8
Северный	25,9	9,4	1199,4	1234,7
Юго-Западный	46,9	19,1	2318,1	2384,1
Румынский	27,7	11,0	1347,7	1386,4
Кавказский	8,8	2,3	329,6	340,7
Итого	136,6	53,0	6563,1	6752,7

* Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). - М., 1925. с. 24.

Сразу же необходимо подчеркнуть, что приведенные в таблицах сведения о численном составе действующей армии намного превышают в ней число “активных штыков” или “бойцов”. Это связано с тем, что во фронтовых формированиях содержалось большое количество нижних чинов, занятых фактически тыловым обеспечением. По свидетельству Н. Н.

Головина, занимавшегося длительное время исследованием этого вопроса, в конце 1914 года “боевой элемент” составлял около 75 % действующей армии, а в конце 1916 г. - всего 50 %. Если приложить этот масштаб к таблице 49, то окажется, что численность “бойцов” колебалась в течении войны между 1 млн. 500 тыс. чел. (на 1 декабря 1914 г.) и 3 млн. 500 тыс. чел (на 1 ноября 1916 г.).

Об этом же писал в одной из своих записок генерал М. В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего: “Полевой интендант говорит, что кормит от 5 500 тыс. до 6 000 тыс. ртов на фронте, не считая внутренних округов. Бойцов мы набираем около 2 000 тыс. чел. Если таково действительное соотношение, то мы приходим к непозволительному выводу, что одного бойца обслуживают два тыловых человека... ибо каждая войсковая часть имеет свои негласные склады, обслуживаемые людьми из строя, каждая имеет немало людей в пути, посланных за покупками, с разбитою повозкою, в различных мастерских. Все это создает безотрадную картину нашего положения. Нам из центра говорят, что дали действующей армии 14 миллионов, убыло их 6, что армия располагает 8 миллионами, а мы все продолжаем просить ввиду сильного некомплекта в строевых частях пехоты” Генерал М. В. Алексеев справедливо возмущался по поводу чрезмерного “разбухания” тыла самой действующей армии за счет уменьшения численности “боевого элемента”. Однако справиться с этим негативным явлением, порожденным плохой организацией тылового обеспечения действующих войск, не имели возможности ни Верховный главнокомандующий, ни его штаб.

Общая численность войск глубокого тыла, подчиненных Военному министру (считая также запасные войска, находившиеся во внутренних военных округах), измерялась следующими цифрами:

На 31 декабря 1915 г. - 2 300 000 чел,

На 31 декабря 1916 г. - 2 550 000 чел.

На 1 ноября 1917 г. - 1 500 000 чел.

С объявлением войны было сформировано внутри страны 500 запасных батальонов, а вскоре к ним добавилось еще 500 аналогичных батальонов второй очереди. Но потери, понесенные русской армией в первых кампаниях, были столь велики, что установленные Военным министром организация и количество запасных войск совершенно не обеспечивали потребности армии. Направленные фронтам в конце 1914 г. пополнения, около 1 млн. 500 тыс. чел., не могли довести действующие соединения и части до штатного состава. Из-за недостатка военнообученных ресурсов весь 1915 год на фронт направлялось малоподготовленное пополнение.

Генерал А.А. Поливанов, сменивший в июне 1915 г. В. А. Сухомлинова на посту военного министра, стремился навести хотя бы некоторый порядок в обеспечении укомплектования войск. Это позволило заметно сократить в 1916 и 1917 гг. численность отправляемого на фронт малообученного пополнения за счет увеличения сроков его подготовки до 4-5 месяцев. Об этом свидетельствуют сравнительные данные за три года.

Численность ежегодно отправляемого пополнения в действующую армию в 1915-1917 гг. (в абсолютных цифрах)

Рода войск	Количество чел., направленных в действующую армию (по годам)			
	1915	1916	1917	Всего
В пехоту	3094250	2336000	1743989	7174239
Количество маршевых рот	12377	9344	-	-
В регулярную конницу	34333	24278	52239	1 10850
В казачьи части	65458	72732	27363	165553
В артиллерийские части	70000	80000	-	150000
В инженерные части	22000	20000	76000	118000
Итого	3286041	2533010	1899591	7718642

2.3.Изменения состояния дисциплины в армии по ходу войны

Исторический опыт свидетельствует, что в условиях войн роль и значение действующей армии в жизни общества неизмеримо возрастает. Не являлась исключением в этом плане и Первая мировая война, когда взаимосвязь и взаимообусловленность общества и армии закономерно стала более тесной и многогранной. Анализ научных данных позволяет заключить, что морально-политическое и психологическое самочувствие армии в начале XX века в значительной степени стало определяться социальным и политическим положением военнослужащих, их мировоззрением и миропониманием. Массовое политическое сознание действующей армии эволюционизировало как под опосредованным воздействием через общественное мнение России, так и непосредственным – через государственные, партийные и армейские структуры, сам механизм воздействия армейского организма на военнослужащих. В силу этого, с точки зрения влияния на массовое политическое сознание действующей русской армии, в разделе проведен анализ различных социальных слоев общества и их мировоззренческих основ в период, предшествующий Мировой войне.

Анализ источников показывает, что как руководство страны, так и российское общество, предпринимали максимум усилий для мобилизации всех сил страны для успешного ведения начавшейся войны. События показали, что первые трещины во взаимоотношениях власти и общества обнаружили себя уже к концу 1914 года. Случилось так, что между властью и образованным обществом подспудно разгорелась настоящая война за монополию на патриотизм. Этого предвидеть никто не мог. По мнению соискателя, 1915 год стал важной вехой во взаимоотношениях власти и оппозиции. В условиях тяжелейших поражений русской армии в 1915 году власть и ее подданные вместо единения отдалялись друг от друга все дальше

и дальше. Склонное к образному восприятию государя, массовое сознание отождествляло личность монарха не только со всей системой власти, но и с вектором наиболее заметных общественных процессов. Можно утверждать, что политическому кризису в стране способствовала позиция Николая II в проведении государственной политики, выразившаяся в необоснованных переменах состава правительства, что приводило к дискредитации его и дезинтеграции системы управления страной. Действия или бездействие Николая II считали решающей причиной кризиса. Значение обещаний, им даваемых, ожиданий, связанных с его именем, психологически гипертрофировалось, и тем сильнее было по имиджу разочарование. Публичные разоблачения ошибок власти, осуждение ее политики, конкретных решений царя подрывали престиж монархии, лишали ее ореола непогрешимости. Более того, фигура Николая II становилась все более одиозной. Источники свидетельствуют, что бескомпромиссностью отличалась и позиция оппозиции, которая была убеждена, что царская бюрократия не отвечает требованиям, предъявляемым войной. На основании вышеизложенного можно утверждать, что курс маневрирования самодержавием в 1915 году привел к тому, что политические рамки его неуклонно сужались. 1916 – начало 1917 годов было апофеозом гражданского противостояния в России, хотя конфликтующие стороны и пытались найти какое-либо компромиссное решение во имя единения для обеспечения победы над вторгшимся врагом. Традиционное представление о монархии и реальная политическая практика самодержавия были столь противоречивы, что к весне 1917 года население находилось в состоянии существенного психологического дискомфорта. Как свидетельствуют источники, в противовес установке на сохранение существующего порядка и стабильности в массовом сознании возобладала тенденция на разрушение. Падение уровня жизни инициировало политическую активность. Депутаты Государственной думы, выражая откровенно и напористо мнения оппозиции, выступили в роли катализатора и сумели привлечь под свои знамена

широкие демократические слои, а также офицерский корпус. Измученное более чем трехлетней войной российское общество убеждалось: царская власть на перемены не пойдет, оппозиция добиться их не может. Налицо был и психологический конфликт между властью и обществом: власть практически противопоставляла себя обществу. Политическая пассивность власти определяла революционную активность общества. В России осталось минимальное материальное и политическое пространство для социального маневра. Хотя переворот здесь мог и не обязательно должен был начаться радикально, но он неизбежно вел к очень радикальным результатам.

Исключительно важное значение на формирование и развитие массового политического сознания действующей русской армии оказывала политическая составляющая общественного мнения России. Внутреннее содержание этой величины не оставалось неизменным в различные периоды войны: после недолго длившегося энтузиазма, от которого мало что осталось после катастрофических поражений 1915 года, она стала более дифференцированной, отражая непохожие и, зачастую, противоположные настроения внутри общества. Особенностью публичного выражения политических взглядов основной массы населения с началом вооруженного конфликта можно считать повышенное внимание к внешней политике по сравнению с проблемами внутренними. Из анализа разнообразной палитры оценок войны, выделяются следующие, основные: гласная общественная поддержка; честная реакция на угрозу войны и трудности, которые она влекла за собой; активное общественное неприятие; экстравагантная. На основании источников можно выделить следующие этапы развития общественного мнения: 1914 год – патриотический подъем; 1915 год – патриотическая тревога; 1916-начало 1917 года – патриотическая критика. В конце концов патриотизм и революционность в сознании значительной части россиян слились воедино.

На основании анализа широкого круга источников можно утверждать, что , что к Первой мировой войне российская армия была подготовлена

лучше, чем к войне с Японией. На уровень массового политического сознания действующей армии существенное влияние оказывали: социальный состав; национальная политика государства; образовательный уровень; возрастные и личностные особенности призываемого контингента; специфика армейской службы; массовое политическое сознание действующей русской армии перед началом Первой мировой войны находилось на довольно примитивном уровне. Основу политического мировоззрения многомиллионной русской армии составляла формула «За Веру, Царя и Отечество». Она была для армейских масс своего рода политическим обрядом, в котором выражались и их религиозность, и их политическое мирозерцание. Вместе с тем, рациональные по своей природе, имперские экономические и геополитические интересы России, обозначившиеся в новых исторических условиях, не укладывались в матрицу сознания военнослужащих, особенно солдат. Соискатель установил, что низкая моральная подготовка личного состава Вооруженных Сил к предстоящей войне объяснялась следующими причинами: инстинктивной боязнью режима внести в казармы элементы политического просвещения; неподготовленностью офицеров в политическом отношении; пренебрежительным отношением офицерского состава к духовным запросам подчиненных.

Обстоятельствами, влияющими на возрастание критических составляющих массового политического сознания действующей русской армии были: пагубное влияние тыла; негативные изменения в кадровом составе; нагромождение войск в больших городах; огромные потери личного состава; кризис боевого и материально-технического снабжения; унижительность отдельных введенных дисциплинарных наказаний и смертной казни на фронте; пропаганда политических противников войны в России и военных противников. В разделе обосновываются и факторы, способствующие повышению морального духа войск, осознанному выполнению своего воинского долга. К ним относятся: официальная

пропаганда; деятельность правых, либеральных и некоторых социалистических партий; содержание гражданской и военной печати; агитационно-пропагандистская работа в армии; деятельность военного духовенства; борьба с проникновением крамольных идей в действующую армию.

Свою более чем значимую лепту в политизацию массового сознания действующей российской армии внесли политические партии. Действуя в соответствии со своими программными установками по отношению к войне, далеко не все они стремились использовать армию в годы войны как объект своего воздействия и инструмент дальнейшего преобразования российской действительности. Обосновав факторы, способствующие успешной деятельности социалистических партий в армии, соискатель установил, что эсеры далеко неоднозначно относились к работе в ней. Политика нейтралитета по отношению к армии прослеживалась в деятельности меньшевистского крыла российской социал-демократии. Наиболее решительными сторонниками всесторонней работы в армии являлись большевики. Анализ архивных документов показывает, что, в отличие от крайне малозаметной деятельности октябристов и прогрессистов, практическая работа конституционных демократов в годы войны была зримо направлена на повышение боеспособности армии и флота и осуществлялось в следующих формах: руководство и активное участие в деятельности Земгора по оказанию помощи раненым и больным военнослужащим; снабжение армии; участие в работе военно-промышленных комитетов; работа в особых совещаниях по обороне государства, топливу, транспорту; партийная работа.

В разделе обоснованы социальные показатели, которые раскрывают состояние профессиональной деятельности военнослужащих через их отношение к ней. Признаётся целесообразным за систему подобных социальных индикаторов взять следующие: соотношение потерь убитыми и ранеными действующей армии и потерь пленными; количество бежавших из

плена военнослужащих; заболеваемость войск; уровень дезертирства в армии; содержание писем; сводки цензуры.

Для первого года войны была характерна максимальная концентрация негативных стереотипов на образе внешнего врага. По мере затягивания военного противоборства, наряду с тенденцией дегуманизации образа немца-врага, наметилась противоположная ей гуманистическая линия «очеловечивания», отказа от стереотипов, навязываемых официальной пропагандой и культурной традицией. Вместе с тем, образ внешнего врага, формировавшийся в массовом сознании действующей армии под влиянием официальной пропаганды при существовавшей в России остроте социальных конфликтов, нес в себе опасность экстраполяции представлений о «внутреннем немце» на правящие верхи, что, в свою очередь, грозило подрывом боеготовности армии. Более того, по мнению соискателя, армия на фронте переживала когнитивный диссонанс из-за причастности к насилию, что порождало процесс изменения психологических установок по отношению к нравственным нормам, запретам и ограничениям мирного времени, религиозным заповедям. С течением времени кардинально менялась система приоритетов в сознании солдат, определявшая нарастание критических настроений по отношению к войне. Содержание и иерархия системы доминирующих представлений свидетельствуют о начале девальвации в 1915 году в сознании солдат концепции справедливой Отечественной войны, ослаблении идейно-психологического воздействия формулы «За Веру, Царя и Отечество», снижении их патриотического духа по сравнению с первыми месяцами войны, нарастании ощущения обмана и бесполезности приносимых жертв.

Анализ значительного числа источников позволил проследить трансформацию отношения действующей армии к власти. Многочисленные обращения россиян к императору, небывалый, искренний всплеск настроений, который имел место 1914 году, в начале Первой мировой войны, позволяет сделать вывод, что массовое сознание в образе царя объектировало

абстрактное понятие о справедливости, монархия являлась почитаемым и признаваемым властным институтом, вплетенным в духовные нужды и повседневные заботы армии и народа, а образ России и образ царя как бы слились в одно целое. Но ситуация была крайне нестабильна. Затянувшаяся война инициировала новый виток общественно-политического кризиса. Начиная со второго года войны, происходило развитие синдрома недоверия армии, и особенно солдат, к власти, которое было обусловлено рядом факторов: затягиванием войны, неудачным ходом военных действий, разочарованием в союзниках, обострением внутренних экономических трудностей, нарастанием внутривластной нестабильности и лавиной слухов об измене во всех эшелонах власти, в том числе и в «верхах».

Можно утверждать, что исторически в сознании русского общества и его армии сложилось ошибочное суждение об определяющей роли верховной власти, преувеличивавшее значение субъективных факторов за счет объективных. Такое схематическое понимание существенно отличалось от политической реальности, что активизировало процесс разрушения монархического идеала и авторитета властных структур. Это было закономерно в условиях развития революционного кризиса в стране, когда в ситуации общественного конфликта пришли в действие социально-политические механизмы поляризации. Происходил перенос комплекса отрицательных эмоций ненависти и ожесточения, связанных с образом внешнего врага на образ врага внутреннего – «внутреннего немца». В действующей армии характерной тенденцией стало нарастание неприятия солдатами всех представителей привилегированного общества, олицетворением которых в их сознании становились офицеры.

О трансформации приоритетов в массовом политическом сознании действующей армии к февралю 1917 года наглядно свидетельствует ее отношение к выполнению воинского долга: постепенно уходило сознание необходимости жертв и потерь, самопожертвования (характерное для первого периода войны), распространялись такие явления как дезертирство,

саморанения, братания с противником, бунтарские вспышки (с осени 1916 года). Выводы, сделанные на основе анализа комплекса источников официального и личного происхождения, подтверждаются данными количественного исследования писем с фронта, задержанных различными военно-цензурными комиссиями.

Из всего вышеизложенного следует, что диссонанс между укорененным в массовом сознании идеальным образом царя и реальной фигурой последнего русского императора явился побудительной силой психологической и общественной активности, направленной на преодоление конфликта, а деятельность политических партий, за исключением правых, по революционизированию общества и армии, пагубное влияние тыла, усталость от боев и от войны в целом были непосредственными и главными факторами начала разложения действующей армии. Подвижки в системе суждений, изменение ее приоритетов свидетельствуют о созревании под влиянием разочарования в войне предпосылок солдатского бунтарства, морально-психологической готовности солдат к революции накануне февраля 1917 года. И все же, действующая армия зимой 1917 года была, безусловно, здорова, а болезненные явления вполне могли быть вылечены мероприятиями морального характера и строгой дисциплины.

Ещё одной из причин является кризис вооружения в армии, и, как следствие, подавленность военными неудачами.

Об этой проблеме начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Янушкевич сказал так: "Ведь ни одна наука не научила еще этому методу ведения войны: без патронов, без винтовок, без пушек". Правда, со временем острота кризиса вооружения была преодолена и армия получила многое из того, в чем нуждалась в 1914-1915 гг. Но еще никто из исследователей не задавался вопросом: а как мог возникнуть этот кризис в стране, которая намного опередила остальные государства по расходам на армию в предвоенные годы? В историографии при объяснении причин этого кризиса дальше указания на общую экономическую слабость России никто не

шел, не задумываясь над тем, а не было ли просчетов в самой организации и строительстве вооруженных сил России накануне мировой войны и разумно ли было, будучи первыми в мире по расходам на сухопутную армию, выйти на второе место по затратам на флот, пропустив вперед только "владычицу морей" - Великобританию?

Прежде всего отметим, что, в отличие от других крупных империалистических держав, царская Россия была единственной страной, которая в первом десятилетии XX в. вела войну с Японией, жестоко потрепавшую сухопутные силы России и оставившую ее без флота. Надо отметить и то, что и армия России, и ее флот готовились к более позднему началу мировой войны и в мирное время смогли использовать всего только около трети средств, отпущенных на развитие вооруженных сил.

Россия, по существу, лишилась военно-морских сил. Балтийский и Тихоокеанский флоты практически перестали существовать, а использовать Черноморский флот не представлялось возможным, так как проход военных кораблей через Проливы был запрещен согласно международным договорам. Угроза столице империи, Петербургу, еще больше возрастала из-за полного развала береговой обороны. Специальное обследование ее начальником Генерального штаба совместно с главным инспектором инженерных войск дало более чем печальные результаты. "Вся оборона берегов представляется вполне карточной и, конечно, не представляет никакой серьезной обороны... Кронштадт и Петербург де-факто совсем не защищены", - таков был краткий итог обследования.

Не в лучшем состоянии была и сухопутная армия. Русско-японская война "съела" почти все мобилизационные и неприкосновенные запасы, обнаружила ряд существенных промахов в боевой подготовке и организации войск. "Наша боевая готовность на западных фронтах настолько пострадала, что вернее будет сказать, что эта готовность совершенно отсутствует", - признавался военный министр В.В. Сахаров. Ему вторил и председатель Совета государственной обороны вел. кн. Николай Николаевич: русская пехота

нуждается в немедленном и коренном переустройстве, "вся кавалерия требует полной реорганизации", "пулеметов у нас мало, и они далеки от совершенства", "тяжелая армейская артиллерия должна быть создана заново", "снаряжение наше несовершенно, опыт войны это доказал; безотлагательно все должно быть исправлено. Обозная часть требует полной реорганизации и создания новых оснований своего развития". Еще немало подобных признаний можно было бы привести из одного только этого доклада.

В структуре армии царила полнейшая неразбериха. Под одним и тем же названием скрывались совершенно неоднородные подразделения, части и соединения. Роты были 11 различных составов - от 50 до 150 рядов (от 100 до 300 солдат). Полки были следующих типов: пехотные, стрелковые, гвардейские, резервные, крепостные, отдельные, причем в одних полках было по два батальона, в других - по четыре, а число рот в батальонах тоже было неодинаковым. В округах размеры однотипных частей также различались: четырехбатальонные полки на Дальнем Востоке были сильнее таких же полков в Европейской России; двухбатальонные полки в Финляндии качественно отличались от двухбатальонных полков в Закавказье, и т.д.

"Организация других родов войск, - признавал Главный штаб, - не менее, если не более, сложная, чем организация пехоты. В артиллерии существуют бригады из 2, 3, 5, 6, 7, 8 и 9 батарей, отдельные артиллерийские дивизионы из 2 и 3 батарей и отдельные батареи. Саперные батальоны содержатся в составе 3, 4, 5 и 6 рот". Таким образом, необходимость реорганизации армии была совершенно очевидна.

Характеризуя состояние армии, помощник военного министра генерал А.А. Поливанов, отвечавший по долгу службы за ее материальное обеспечение и поэтому хорошо изучивший этот вопрос, признавал: "Армия была лишена тогда многого для нее необходимого, причем необеспеченность ее проистекала не только от расхода, неизбежного на каждой войне, но и оттого, что она находилась в состоянии отсталости по снабжению ее средствами, созданными военной техникой. Не хватало почти половины комплекта обмундирования и

снаряжения, потребных для выхода в поле армии военного состава, не хватало винтовок, патронов, снарядов, обозов, шанцевого инструмента, госпитальных запасов; почти совсем не было некоторых средств борьбы, на необходимость которых указывал как опыт войны, так и пример соседних государств: не было гаубиц, пулеметов, горной артиллерии, полевой, тяжелой артиллерии, искровых телеграфов, автомобилей, т.е. таких средств, которые в настоящее время признаются необходимым элементом сильной армии, скажу коротко: накануне первой мировой войны наша армия была небоеспособной".

К этому нужно добавить, что уже в 1905-1907 гг. впервые за многовековую историю России вооруженные силы стали выходить из-под контроля правительства. В условиях начавшейся в стране революции, при резком падении престижа царизма, при все более и более возрастающей экономической, прежде всего финансовой, зависимости России от развитых стран, при обострении империалистической борьбы между всеми капиталистическими государствами накануне первой мировой войны вопрос о состоянии вооруженных сил становился для самодержавия поистине гамлетовским вопросом "Быть или не быть?", ибо, как понимали многие, второго Мукдена и второй Цусимы царизму уже не пережить.

Вскоре после начала мировой войны разразился жестокий кризис вооружения. В армии не хватало всего: орудий и снарядов, пулеметов и патронов, взрывчатых веществ и пороха. Но никто не ощущал нужды в четырех построенных линкорах и нехватки самых мощных в мире линейных крейсеров, которые ржавели недостроенными на протяжении всей войны.

2.4. Оценка брожений в русской армии в различных мемуарных источниках

Изырядную информацию для объективного анализа дает первый том мемуаров «военного интеллигента» генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина, написанных в 1921 г. и опубликованных позднее под названием «Очерки русской смуты».

Как представляется, многие свидетельства непосредственного участника событий 1905—1917 гг., являются не чем иным, как предупреждением потомкам. Но предупреждением услышанным ли? Понятым ли? В своем труде Антон Иванович предстает перед нами не только как вдумчивый наблюдатель, но и как один из первых... военных социологов России, анализирующий не понаслышке известную ему эмпирическую основу. И хотя мы далеки от мысли о полной аналогии событий, разделенных почти вековым временным интервалом, наблюдения и замечания Деникина кажутся нам во многом созвучными нашим дням, а потому и представляющими интерес для современного читателя.

«Жизнь как будто толкала офицерство на протест в той или иной форме против «существующего строя», — пишет Деникин уже на первых страницах своего труда, анализируя предпосылки «великой смуты». — Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия, венец карьеры для большинства — подполковничий чин и болезненная, полуголодная смерть...» Деникин видит одну из причин трагедии русской армии в разрушении в XIX в. классово-кастового принципа формирования офицерского корпуса, в ротации в него разночинцев и «простолудин» через школы прапорщиков, работавших в условиях империалистической войны на нужды пополнения армии офицерским составом.

Большие и малые недостатки офицерского корпуса, подчеркивает автор «Очерков...», увеличивались по мере расслоения кадрового состава.

Эти обстоятельства «понижили, несомненно, боевую ценность офицерского корпуса и внесли некоторую дифференциацию в его политической облик, приблизив его более к средней массе русской интеллигенции и демократии (разрядка А.И.Деникина. — О.Х.). Этого не поняли или, вернее не захотели понять вожди революционной демократии», к которой он относил «конгломерат социалистических партий», существовавших в то время в России — от «народных социалистов» (ПНС), социалистов-революционеров (эсеров) до РСДРП, противопоставляя ее «истинной русской демократии», к которой, по его мнению, принадлежали «средняя интеллигенция и служивый элемент».

«Японская война, — как и недавняя «чеченская», добавим мы от себя, — вскрывшая глубокие болезни, которыми страдала страна и армия, Государственная Дума и несколько более свободная после 1905 г. печать сыграли особенно серьезную роль в политическом воспитании офицерства. Мистическое «обожание» монарха начало постепенно меркнуть. Среди младшего генералитета и офицерства появилось все больше людей, умевших отличать идею монархизма от личностей, счастье родины — от формы правления. Среди широких кругов офицерства явились анализ, критика, иногда — суровое суждение.

Появились слухи — и не совсем безосновательные, — свидетельствовал бывший главнокомандующий Добровольческой армии Юга России, — о тайных офицерских организациях. Правда, подобные организации, как чуждые всей структуре армии, не имели и не могли приобрести ни особого влияния, ни значения.

Однако они сильно беспокоили военное министерство, и Сухомлинов (генерал-адъютант, военный министр в 1911—1915 гг. — О.Х.) секретно сообщал начальникам «о необходимости принятия мер против тайного общества, образовавшегося из офицеров, недовольных медленным и бессистемным ходом

реорганизации армии и желавших якобы насильственными мерами ускорить ее...».

Настроения в офицерском корпусе, констатирует Деникин, не прошли мимо сознания высшей военной власти: с 1907 г. в «Особой подготовительной комиссии при Совете государственной обороны «обсуждались вопросы улучшения боевой подготовки войск и удовлетворения насущных потребностей армии, в том числе и офицерского корпуса». (Не просматривается ли и в этом факте некоторых параллелей с современностью?) Как следует из секретного журнала заседаний Комиссии, генерал Иванов свидетельствовал, что подготовка офицеров «в общем слаба и в большинстве они недостаточно развиты; кроме того, наличный офицерский состав так мал, что наблюдается, как обычное явление, что налицо в роте всего один ротный командир. (Очевидцы могли также наблюдать абсолютно аналогичную картину в 1995—1996 гг. в ходе боевых действий в Чечне.) Старшие начальники мало руководят делом обучения — их роль сводится по преимуществу к контролю и критике. За последнее время приходится констатировать почти повальное бегство офицеров из строя, причем уходят, главным образом, лучшие и наиболее развитые офицеры...».

Разве не приходилось нам читать об этом в 1992—1997 гг.? А нынешние офицеры не замедлят подтвердить, что именно так и обстоит дело, равно как и то, что выпускники военных училищ пополняют «в значительной мере гражданские учреждения».

Ну разве не все — «что было — то и будет», как предсказывал мудрый Экклезиаст? Начальник Главного штаба генерал от инфантерии Александр Захарович Мышлаевский указывал еще в 1907 г. на такие явления в офицерском корпусе, как «недоумение и беспокойство в верхних и средних слоях офицерского состава, вызванные непопулярностью введенного порядка аттестования, принудительным увольнением по предельному возрасту и неопределенностью и новых требований».

Следует особо подчеркнуть, что военные члены «Особой подготовительной комиссии...» видели главную причину ослабления

офицерского корпуса в вопиющей материальной необеспеченности его, а в устранении этого положения — надежнейшее средство разрешения «офицерского вопроса».

Подполковник Генерального штаба князь Волконский во всеуслышание заявил на заседании Комиссии: «Офицерство волнуется. Кроме волнений, оставляющих след в официальных документах, есть течения другого рода: офицеры, преданные присяге, смущены происходящим в армии; иные подозревают верхи армии в тайном желании ее дезорганизовать. Такое недоверие к власти — тоже материал для революционного брожения, но уже справа. Вообще, непрерывное напряжение, травля газет, ответственность за каждую похищенную винтовку, недостаток офицеров и бедность истрепали нервы, то есть создали ту почву, на которой вспыхивает революционное брожение, нередко даже наперекор убеждениям...».

Несколько в стороне от общих условий офицерской жизни, — подчеркивал Деникин, — стояли офицеры гвардии. Рознь между офицерами армейскими и гвардейскими (читай: элитных частей), вызывалась целым рядом привилегий последним по службе — более быстрое чинопроизводство и т.д., тормозившее и без того нелегкое движение армейского офицерства.

Как настоящий социолог, Деникин не мог обойти вниманием и непосредственно солдатские массы, которые хорошо знал еще будучи командиром полка.

При этом он признает, что «отношения между офицерами и солдатами не везде были построены на здоровых началах. Нельзя отрицать известного отчуждения между ними, вызванного недостаточно внимательным отношением офицерства к духовным запросам солдатской жизни».

Крайне важна, на наш взгляд, и констатация Деникиным в первых же строках своего труда такого ныне забытого факта, что «религиозность народа, установившаяся за ним веками, к началу XX столетия несколько пошатнулась».

В мировой истории этот процесс. Отмечавшийся в Европе уже в XVIII—XIX вв., как известно, получил название секуляризации.

«Казарма, — отмечал Деникин, — отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верой и суевериями, не давала взамен духовно-нравственного воспитания». (Чем, заметим от себя, РККА и Советская армия, — как социальный и государственный институт, — выгодно отличалась как от своих предшественников и современников, так и от нынешней российской армии.) В «старой» русской армии этот вопрос занимал совершенно второстепенное место, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка.

Казарменный режим, где все — и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов — имело характер официальный, обязательный, часто принудительный, не мог создать надлежащего настроения...

Как бы то ни было, — продолжал Антон Иванович, — в числе моральных элементов, поддерживавших дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии зверских инстинктов.

А первая империалистическая «добавила ко всему прочему еще и моральное огрубление и ожесточение». Ну чем не современные нам «вьетнамский», «афганский» или нынешний — «чеченский» синдромы, корежившие и ломавшие не одного человека, а целые поколения, нации и народы? Не менее важна, на наш взгляд, и следующая констатация автора: «В солдатской толще, вопреки сложившемуся убеждению, идея монархизма глубоких мистических корней не имела. Еще менее, конечно, эта малокультурная масса отдавала себе тогда отчет в других формах правления, проповедуемых социалистами разных оттенков. Известный консерватизм, привычка «спокойно веков», внушение церкви — все это создавало определенное отношение к существующему строю как к чему-то вполне естественному и неизбежному».

Будучи далекими от мысли напрямую экстраполировать социальный портрет армии, созданный Деникиным, на современную российскую действительность, тем не менее, мы вряд ли должны полностью пренебрегать опытом подобного социального анализа.

Быть может, Деникин был первым, кто констатировал, что армия отражает в себе все недостатки и достоинства народа. Это первоначально гениальная констатация ныне низведена до уровня банальности.

Народ же, по мнению Антона Ивановича, страдал в то время такими пороками, как невежество, инертность, слабая воля к сопротивлению, к борьбе с порабощением, откуда бы оно ни исходило — «от вековой традиционной власти или от внезапно появившихся псевдонимов».

«Потребовалось потрясение слегка подгнивших основ, целый ряд ошибок и преступлений новой власти (то есть Временного правительства в марте-октябре 1917 г.), огромная работа сторонних влияний, чтобы инерция покоя перешла наконец в инерцию движения, кровавый призрак которого долго еще будет висеть над несчастной русской землей. Сторонним разрушительным влияниям в армии не противопоставлялось разумное воспитание. Отчасти по крайней неподготовленности в политическом отношении офицерского корпуса, отчасти вследствие инстинктивной боязни старого режима внести в казармы элементы «политики» хотя бы с целью критики противогосударственных учений. Этот страх относится, впрочем, не только к социальным и внутренним проблемам русской жизни, но и к вопросам внешней политики».

В то же время «своего рода естественной пропагандой служили неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фронта. Но особенно тяжело отозвался на армии недостаток техники и главным образом боевых припасов».

И, как бы подводя итог сказанному ранее, во второй главе, озаглавленной «Состояние старой армии перед революцией», Деникин счел нужным еще раз перечислить ее беды и невзгоды:

- крупные недостатки в системе назначений и комплектования командного состава;
- ошибки стратегии, тактики и организации;
- техническую отсталость;

- несовершенство офицерского корпуса, невежество солдатской массы, пороки казармы;

- дезертирство и уклонение от военной службы, «в чем повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ. Но ведь не эти серьезные болезни армейского организма привлекали впоследствии особое внимание революционной демократии. Она не умела и не могла ничего сделать для их уврачевания да и не боролась с ними вовсе. Я, по крайней мере, не знаю ни одной больной стороны армейской жизни, которую она исцелила бы или, по крайней мере, за которую взялась бы серьезно и практически».

А что же армия? Каков народ — такова и армия. И... «старая русская армия, страдая пороками русского народа, вместе с тем в своей преобладающей массе обладала его достоинствами и прежде всего необычайным долготерпением в перенесении ужасов войны; дралась безропотно почти три года; часто шла с голыми руками против убийственно высокой техники врагов, проявляя высокое мужество и самоотвержение; и своей обильной кровью искупила грехи верховной власти, правительства, народа и свои».

Таковы, по мнению автора «Очерков русской смуты», были предпосылки разложения российской армии в первой четверти уходящего века. Предпосылки, дополненные действием иных негативных факторов, которые можно назвать более непосредственными причинами этого разложения.

Первым из них Деникин называет распутинщину у власти: «правда, переплетенная с вымыслом, проникала в самые отдаленные уголки страны и армии, вызывая где боль, где злорадство. Члены романовской династии не оберегли «идею», которую ортодоксальные монархисты хотели окружить ореолом величия, благородства и поклонения»...

Делится с читателем Деникин и впечатлением о первом случайном посещении думского заседания, когда «первый раз с думской трибуны раздалось предостерегающее слово Гучкова о Распутине: «В стране нашей неблагополучно...» Думский зал, до тех пор шумный, затих, и каждое слово, тихо сказанное, отчетливо было слышно в отдельных углах. Нависало что-то темное,

катастрофическое над мирным ходом русской истории...» Впоследствии это, сначала лишь слегка уловимое предчувствие, как свидетельствует Деникин, вкупе с «пассивным противодействием ряда лиц, стоящих во главе военного министерства и генерального штаба, — лиц, неспособных или донельзя безразлично и легкомысленно относящихся к интересам армии», привело в войсках к тому, что «наиболее потрясающее впечатление произвело роковое слово: «Измена».

И оснований для этого было немало:

- летом 1915 г. военный министр Владимир Александрович Сухомлинов был отстранен от должности по обвинению в государственном преступлении;
- всевозможные слухи о связях «двора» с «германцами»;
- череда военных неудач на фронтах.

Все это подрывало боевой дух армии, вело ее к окончательному внутреннему «поражению», завершившемуся ее разложением как единого государственного института...

Кажется невозможным не отметить и следующей его констатации, также имеющей некоторое отношение к событиям начала 90-х годов. Говоря о первом в истории России «параде суверенитетов» 1917—1918 гг., он замечает, что «явление распада русской государственности, известное под именем «самостийности», во многих случаях имело целью только от-городиться временно от того бедлама, который представляет из себя «Советская республика». Но жизнь, к сожалению, не останавливается на практическом осуществлении такого в своем роде санитарного кордона, и поражает самую идею государственности. Даже в землях крепких, как, например, казачьи области».

По-своему любопытно и мнение крупного военного мыслителя, каковым, бесспорно, и является генерал Деникин, о причинах войны: «Если верхи русской интеллигенции отдавали себе ясный отчет о причинах разгоравшегося мирового пожара — борьба государств за гегемонию политическую и главным образом экономическую, за свободные пути, проходы, за рынки и колонии..., то средняя

русская интеллигенция, в том числе и офицерство, удовлетворялась зачастую только поводами — более яркими, доступными и понятными...

Офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о «целях войны». Война началась... Поражение повело бы к территориальным потерям, политическому упадку и экономическому рабству страны. Необходима победа. Все прочие вопросы уходили на задний план, могли быть спорными, перерешаться и видоизменяться...»

Сопоставим это с оценкой другого генерала, занимавшего противоположную позицию во многом — Брусилова¹²³. Он даёт оценку состоянию армии в канун войны, считая, что при таком состоянии неудачи были неизбежны, но они не одни способствовали разложению.

«Скажу лишь несколько слов об организации нашей армии и о ее техническом оснащении, ибо ясно, что в XX столетии одною только храбростью войск без наличия достаточной современной военной техники успеха в широких размерах достигнуть было нельзя.

Пехота была хорошо вооружена соответствующей винтовкой, но пулеметов было у нее чрезмерно мало, всего по 8 на полк, тогда минимально необходимо было иметь на каждый батальон не менее 8 пулеметов, а на дивизию... 160 пулеметов; в дивизии же было всего 32 пулемета. Не было, конечно, бомбометов, минометов и ручных гранат, но в расчете на полевую войну их в начале войны ни в одной армии не было. Ограниченность огнестрельных припасов была ужасающей, крупнейшей бедой...

Что же касается организации пехоты, то я считал — и это оправдалось на деле, — что 4-батапонный полк и, следовательно, 16-батапонная — части слишком громоздкие для удобного управления. Использовать их в боевом отношении достаточно целесообразно — чрезвычайно трудно... Что касается

---

¹²³ Исторический парадокс: дворянин Брусилов вступил в Красную Армию, сын крепостного крестьянина Деникин стал одним из лидеров Белого движения.

артиллерии, то в ее организации были крупные дефекты, и мы в этом отношении значительно отставали от наших врагов <...>

Нужно признать, что большинство высших артиллерийских начальников совсем не по своей вине не умели управлять артиллерийскими массами в бою и не могли извлекать из них ту пользу, которую пехота имела право ожидать <...>

Сами по себе кавалерийские и казачьи дивизии были достаточно сильны для самостоятельных действий стратегической конницы, но им недоставало какой-либо стрелковой части, связанной с дивизией, на которую она могла бы опираться. В общем, кавалерии у нас было слишком много, в особенности после того, как полевая война перешла в позиционную.

Воздушные силы в начале кампании были в нашей армии поставлены ниже всякой критики. Самолетов было мало, большинство их были довольно слабые, устаревшей конструкции. Между тем они были крайне необходимы как для дальней и ближней разведки, так и для корректирования артиллерийской стрельбы, о чем ни наша артиллерия, ни летчики понятия не имели. В мирное время мы не озаботились возможностью изготовления самолетов дома, у себя в России, и потому в течение всей кампании значительно страдали от недостатка в них. Знаменитые «Ильи Муромцы», на которых возлагалось столько надежд, не оправдали себя. Дирижаблей у нас в то время было всего несколько штук, купленных по дорогой цене за границей. Это были устаревшие, слабые воздушные корабли, которые не могли принести и не принесли нам никакой пользы. В общем, нужно признаться, что по сравнению с нашими врагами мы технически были значительно отсталыми, и, конечно, недостаток технических средств мог восполняться только лишним пролитием крови, что имело свои весьма дурные последствия. <...>

Мы выступили с удовлетворительно обученной армией. Корпус же офицеров страдал многими недостатками, и к началу войны мы не могли похвастаться действительно отборным начальствующим составом».

А вот ещё один видный автор, на этот раз профессиональный историк.

Николай Николаевич Головин (1875-1944) – профессор, генерал-лейтенант русской армии, участник Первой мировой войны. Работая в 1907-1914 гг. профессором Николаевской академии Генерального штаба, он сформировался как серьезный, широко известный военный ученый. Уже в это время у него сложился свой, особый подход к изучению военной науки, подготовке и воспитанию военных кадров. Все годы мировой войны Н.Н. Головин не только воевал, но и изучал боевые действия. В 1914 г. Головин назначается в штаб 9-й армии, в 1915 г. исполняет обязанности начальника штаба 7-й армии. В этот период генерал руководил разработкой и непосредственно участвовал в осуществлении боевых операций, в том числе знаменитого Брусиловского прорыва. С апреля 1917 г. он начальник штаба Группы армий в Румынии.

Летом 1919 г. Головин принимает приглашение адмирала Колчака возглавить штаб его армии. В августе этого года Головин прибывает в Омск, где успешно руководил обороной города. Как начальник штаба Верховного главнокомандующего Головин в этот период проявил себя и как грамотный политик, “сильно повлияв на решение Колчака созвать Государственное Земское совещание”, призванное консолидировать политические течения Урала и Сибири. Однако уже через месяц, в октябре, Н.Н. Головин неожиданно покидает ставку А.В. Колчака, по официальной версии по болезни эвакуирован в госпиталь в Токио. Ко всему нужно добавить сложившуюся у него конфликтную ситуацию с Главнокомандующим Восточным фронтом генералом М.К. Детериксом и его окружением, так, что по-видимому, существовало несколько причин, вызвавших отъезд Головина: “ как умный и предусмотрительный человек, он сейчас же понял, что ошибся (в смысле оценки сибирской обстановки), и сразу отошел правда, не без благожелательного содействия своего “друга” – генерала Детерихса и других”.

Оказавшись после революции и гражданской войны в 1920 г. в эмиграции, генерал Головин становится одним из создателей Высших военных курсов в Париже и Белграде, работавших по программе Николаевской военной академии,

преподает историю Первой мировой войны во Французской военной академии, читает лекции в Вашингтоне и Стэнфордском университете. При этом он не приемлет новый общественный строй на родине, но остаётся её истинным патриотом, активно выступает в своих научных работах против принижения и искажения западными историками роли России в Первой мировой войне.

Н.Н. Головин написал более 30 монографий и 100 научных работ и статей по военной истории, которые в разные годы выходили за границы, и только в 2001 г. в нашей стране вышла его большая работа “Военные усилия России в мировой войне”. Именно в этой работе Головин одним из первых в мировой практике приступает к изучению такой области знаний как социология войны. Книга дает теоретический анализ военных и политических действий России в ходе мировой войны.

История мировой войны в отечественной и зарубежной научной литературе в основном представлена работами, как считает военный историк И.В. Образцов, “анализирующими военно-политическую, стратегическую и социально-экономическую составляющие, Н.Н. Головин подверг впервые историю войны социологическому анализу”.

Приведем несколько фрагментов из исследования Н.Н. Головина, представляющих, определенный научный интерес и с позиций сегодняшнего дня.

Так, в первой главе своего исследования “Русские законы о всеобщей воинской обязанности” автор сравнивает закон 1874 г. с аналогичным законом Германии. Из сравнения положений двух законов Н.Н. Головин приходит к выводу, что Германия готовилась к проявлению большего напряжения на войне, нежели Россия “Германия считала нужным для своей защиты иметь в распоряжении армии 28 возрастов, в то время как Россия – только 22”.

Во второй главе “Затруднения России в использовании её многолюдья” автор анализирует труд Менделеева “К познанию России”, где на большом цифровом материале показывает неподготовленность России в военном отношении к мировой войне. Так, в каждом двух хозяйствах страны участвовало

“в добыче заработков только 3 человека, а 8 жили на счет производительной работы первых трёх”. Получается, что из 128 млн. населения империи только 24% лиц участвовали в производственной и хозяйственной жизни страны, против 38-40% в Америки, Франции и Германии. Одной из причин, как считает автор, является “большая численность детей в России”. Согласно переписи 1897 г. в стране процент населения моложе 10-летнего возраста достигал 27,3%, в то время как США он был равен 23,8%, в Германии 24,2%, а во Франции только 17,5%, причем ситуация не изменилась вплоть до 1917 г. Из этих данных Н.Н. Головин делает очень интересный вывод, который имеет большое значение в военном отношении: ”хозяйственная жизнь страны разрушается призывом в войска тем быстрее, чем меньший процент населения участвует в производительной работе страны”.

Следующим, на мой взгляд, интересным фактом, который рассматривает автор, является проблема освобождения от призыва в армию по различным льготам. Так, согласно устава о воинской повинности 1874 г. около 48% ежегодного призыва в империи освобождались по семейному положению в мирное время, а половина из них кроме того освобождались также от службы в военное время, для сравнения этот показатель во Франции 0%, в Германии 2%, в Австро-Венгрии 3% и только в Италии 37%. Из вышеизложенного генерал делает вывод: ”Россия стремилась в каждом крестьянском хозяйстве сохранить рабочие руки”. Таким образом, наш закон не только обеспечивал в мирное время народное хозяйство нужными рабочими руками (один работник на семью), а даже переходил пределы этой необходимости. Но эта “роскошь покупалась дорогой ценой в военное время”.

Сегодня одной из острых проблем современной армии является “физическая готовность” новобранцев. Перед Первой мировой войной процент лиц призывного возраста, освобождавшихся по причинам физической негодности от службы у воюющих стран выглядел следующим образом Австро-Венгрия - 50%, Германия - 37%, Италия - 27%, Франция - 21% и Россия - 17%. Но причину того, что Россия стоит на последнем месте Головин видит не в

высоком уровне здоровья населения страны, а то что нашему уставу дававшему большое развитие льгот по семейному положению “приходилось понижать уровень требований к физической годности новобранца”.

В третьей главе “Затруднения в надлежащем устройстве и оборудовании российской вооруженной силы” автор подвергает анализу проблемы “дешевизны” содержания русской армии в мирное время. Так, в зависимости от численности армии в мирное время Германия тратила 17,3%, Австро-Венгрия 17,6%, Россия 24,3% и Франция 28,6% своего годового бюджета на военные расходы. Следовательно, перед русским военным ведомством стояла дилемма: либо сократить численность армии, либо гнаться за дешевизной содержания. Выбран был второй путь. “Дешевизна” содержания имела своим первым следствием, как пишет Головин “слабость профессиональных кадров, как раз то, в чем, при общем недостатке культурности народных масс, Русская Армия особенно нуждалась”. И как следствие к июлю 1914 г. некомплект в офицерском составе русской армии составлял 3000 офицеров.

Недостаток в средствах автор видит и в развитии российского железнодорожного транспорта, которое сказалось на мобилизационных возможностях русской армии. Так, по подсчетам генерала Редигера “средний переезд новобранцев в России равнялся 900-1000 верстам, для Франции, Германии и Австро-Венгрии этот показатель не превышал 200-300 верст”. Приведенные автором работы данные показывают очень большую отсталость России по сравнению с западными соседями в протяженности железнодорожной сети. Особенно, как считает ученый, отрицательное влияние в этом отношении имело для России заключение союза с Францией. Её генеральный штаб “панически боялся остаться в начале войны один на один с главными силами германской армии”. Поэтому, по словам Головина, он требовал от России сосредоточения армии у западной границы, и даваемые Францией займы “обуславливались строительством железнодорожных линий, идущих от меридиана Петербурга к германской границе”. Стеснение в финансовых средствах отразилось не только на начертании и развитии сети, но отразилось и

на техническом оборудовании железных дорог. Среднесуточный пробег наших “воинских поездок” не превышал 300 верст, это в два раза медленнее движения воинских поездов во Франции.

Еще одним слабым местом, по сравнению со всеми великими державами начала XX в., было то что, “Россия имела меньше всего доступов к морю”. Подтверждением этого стало вступление в войну Турции, когда Россия уподобилась “заколоченному дому, в который можно было проникнуть только через дымовую трубу”. Автор наглядно иллюстрирует это цифрами: с осени 1914 г. наш вывоз падает сразу на 98% , а ввоз на 95%, таким образом, империя оказалась “блокированной” в большей степени, нежели Германия.

Другой, не менее важной темой, которую затрагивает генерал является “мираж” многолюдья в России. Н.Н. Головин, подчеркивает, что из 15,5 млн. мобилизованных в армию за годы войны (или 47,4% трудящихся мужчин), это составляло всего 9,3% от общей численности населения империи. Для Франции, Великобритании и Германии исчерпание половины, населения участвующего в производственном процессе, наступало только тогда, как пишет ученый, когда “процент призванных в армию достигал 18-20% от общей численности населения”.

Целый раздел работы русского генерала посвящен интендантскому снабжению армии, в котором анализируется подготовка и снабжение армии в ходе Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что перед войной в стране прочно бытовало мнение, что “естественные богатства России считались столь большими, что все пребывали в спокойной уверенности, что получать для Армии все нужное для войны не представит никаких трудностей”. С началом войны благополучие в интендантском снабжении закончилось очень скоро. Уже в 1915 г. правительству пришлось сделать крупные заказы на различные предметы снабжения в Англии и Америке. Хотя предположительно за мировую войну было израсходовано 65 млн. пар сапог, 15 млн. валенок, 12 млн. полушубков, 51 млн. комплектов теплого белья, 782 тыс. штук седел и 217 млн.

подков ”богатые источники средств России не были исчерпаны до конца войны, но использовать их не умели”.

К наиболее интересным выводам приходит генерал Головин изучая ход самих боевых действий. Так, на мой взгляд представляет особый интерес изучение такого вопроса, как “сдаваемость” в плен в результате вспыхнувшей революции. “Сдаваемость” в плен у солдат увеличивается в 1917 г. по сравнению с 1916 г. почти в семь раз, у офицеров она увеличивается меньше чем в два раза. Ещё одним характерным примером является “возвращаемость” личного состава в действующую армию после выписки из госпиталей и лазаретов. По подсчетам автора для офицеров он достигал 91%, в то время как для солдат он равняется всего 37%. И как вывод сделанный уже после окончания гражданской войны, звучит у Головина: “Линия, разделившая впоследствии в гражданскую войну борющиеся стороны на “белую” – по преимуществу офицерскую, и “красную” – по преимуществу солдатскую, ярко здесь намечается”.

Из анализа конкретных событий мировой войны Головин выводит “закон распространения разложения армии в тылу фронта”, проявившийся в стране в том, что “быстрее всего процесс разложения шел в солдатских массах Северного фронта, в непосредственном тылу которого находился главный очаг революции – Петроград. Второе место по своей “разлагаемости” занимают армии нашего Западного фронта, в тылу которого находился второй центр революции – Москва. Наконец, в наилучшем моральном состоянии находились наши армии Румынского фронта; пребывание на территории чужого государства значительно задерживало проникновение заразы”.

Интересной является проблема “взаимоотношение кровавых потерь и пленных среди призывников различных губерний России” этот показатель, как замечает автор характеризует и различную степень их “моральной упругости”. Так, из 100% потерь, понесенными контингентами, призванными из Ковенской губернии, при 33% кровавых потерях потери пленными составляют 67% (максимальный показатель по стране). Людские потери призывников из Ставропольской губернии составляют 67% убитыми и ранеными и 43%

пленными, области Войска Кубанского 85% и всего лишь 15% пленными (наименьший показатель по империи). Другой, не менее важный пример, количество русских пленных - 260 тыс., пытавшихся бежать из германского плена. Такого большого процента бежавших военнопленных не давала ни одна из воюющих армий. Заметим, что факт побега из плена отмечался особыми нашивками на рукаве кителя и часто служил основанием для выдвижения на вышестоящую должность.

Дезертирство в армии - один из показателей, который характеризует “моральный дух” этой армии. Н.Н. Головин на обширном материале рассматривает и эту проблему и приходит к выводу, что если до революции русскую армию в среднем в месяц оставляло 6300 человек, то после революции в пять раз больше (30900 чел). “Таким образом, к концу войны на каждые три чина Действующей Армии приходилось не менее одного дезертира”.

И наконец, интегрированным показателем настроения солдатских масс генерал считал содержание солдатских писем, по которому можно дать общую картину изменения настроений на фронте. Так, в феврале 1916 г. ”корреспонденция, посланная из Армий Западного Фронта, была распределена следующим образом: 2,15 % - писем в угнетенном настроении, 30,25% – писем бодрых, 67,6% - писем уравновешенных, но содержащих в себе спокойную веру в конечный успех Русской армии”.

Даже эти фрагментарные данные, полученные ученым, позволяют взглянуть на историю Первой мировой войны под определенным углом зрения, позволяющим за черствыми цифрами количества войск и вооружения увидеть русского солдата и офицера в перипетиях военной стихии и оценить его моральные качества.

Одной из форм разложения дисциплины в армии, как отмечают исследователи, было братание на фронте.

Первая мировая война началась для России так же, как и все войны предшествовавшего столетия — с патриотического подъема. Успешно прошла мобилизация, было немало и добровольцев. Однако воевать пришлось не

кадровой армии, как было до этого, а всему народу, так как уже в первые месяцы войны в ходе кровопролитных сражений довоенная профессиональная армия понесла невосполнимые потери, особенно ее офицерский и унтер-офицерский состав. И осенью 1914 г. в действующую армию стало вливаться наспех обученное пополнение. Это была главным образом малограмотная сельская молодежь, а также рабочие необоронных профессий, не проходившие до войны службу в армии. Они были недисциплинированны, распущены и легко подвергались любой негативной пропаганде (в первую очередь революционной и антигосударственной). К тому же уже к началу военной кампании 1915 г. война приобрела позиционный характер. Резко ухудшилось материально-техническое и продовольственное снабжение фронта, поскольку Россия не была готова к длительной войне. Все это, а также тяготы и лишения фронтовой жизни, явилось причиной зарождения антивоенного движения среди солдат. Это проявилось в виде дезертирства, добровольной сдачи в плен, саморанений, отказа исполнять боевые приказы и в других нарушениях воинской дисциплины, но наиболее ярко — в форме братания.

Первое братание случилось в апреле 1915 г. перед Пасхой. Все последующие вспышки этого явления были достаточно редки и происходили спонтанно. И о нем почти забыли и солдаты, и командование. Однако волна братания снова напомнила о себе ровно через год, а именно 10 апреля 1916 г., в день Святой Пасхи. Именно тогда снова состоялись братания, но уже более массовые, чем были до этого. Они-то и привлекли внимание высшего командования. Так, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилев в приказе № 643 от 18 апреля 1916 г. не только сделал упор на том, что братание является наиболее злостной формой нарушения воинской дисциплины, но и указал на, так сказать, нерыцарское поведение со стороны командования противника. В приказе особо обращалось внимание на то, что «враг еще раз, как и следовало ожидать, проявил присущее ему вероломство, а в поведении некоторых, к сожалению, наших офицеров и стрелков сказалась недопустимая праздничная распущенность и проглянули

славянская незлобивость, беспечность и добродушие, совершенно неуместное в боевой обстановке... Некоторые прапорщики, лишенные должного руководства, растерялись, допустили ряд крупных упущений, чем дали возможность противнику безнаказанно увести наших пленных». Любопытно, что в том же приказе говорилось, что «командующему 4-й стрелковой дивизией, генерал-майору Деникину за отсутствие должного руководства и требовательности объявляю выговор». Сам же А.И. Деникин, описывая этот случай братания, не придавал ему в то время серьезного значения. Он, в частности, писал: «Братание ... имело даже традиционный характер в дни Святой Пасхи; но вызывалось оно исключительно беспросветно-нудным стоянием в окопах, любопытством, просто чувством человечности даже в отношении к врагу — чувством, проявившимся со стороны русского солдата не раз и на полях Бородино, и на бастионах Севастополя, и в Балканских горах. Братание случалось редко, преследовалось начальством и не носило опасной тенденции». Генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов, бывший тогда командиром 25-го армейского корпуса, также не видел серьезной опасности в «этой тенденции». Весьма снисходительно он описывает сцену братания в своих очерках: «На нейтральной полосе между окопами завязывается оригинальное знакомство. Сблизившиеся люди пожимают друг другу руки, обмениваются непонятными словами, газетами, папиросами, а иногда и бутылкою спирта или другого напитка. С нашей стороны наиболее смелые, влекомые все тем же любопытством, заглядывают в чужие окопы и рассказывают потом чудеса о житье-бытье немецких солдат... Так это дело братания повелось у нас на фронте уже с Пасхи 1916 г. Потом шло, всё усиливаясь». Здесь следует отметить, что русское командование, говоря о причинах, побуждавших солдат брататься, не обращало внимания на национальные и религиозные особенности поведения солдатской массы. Как известно, в армиях Германии и особенно Австро-Венгрии служило огромное количество солдат славянского происхождения — поляки, чехи, словаки, украинцы и другие. В своей массе они не видели в русских солдатах врагов. Нередки были среди солдат-славян и массовые сдачи в русский плен. Такие

настроения подогревало и то, что царское правительство одной из главных целей Первой мировой войны провозгласило освобождение славянских народов от австро-венгерского и германского порабощения. Что же касается религиозного фактора, то мы видели, что всплеск братания в годы войны приходился именно на Пасхальные дни, когда солдаты-христиане, а таких было абсолютное большинство, отмечали один из самых великих своих праздников. Этой причиной объясняется то, что на Кавказском фронте не было братаний русских солдат с турецкими.

Весьма показательно, что в мемуарах многих русских военачальников вообще отсутствуют какие-либо упоминания о братаниях периода 1915—1916 гг. Это, безусловно, свидетельствует о том, что в те годы они не придавали этому явлению особого значения.

Если представители русского командования в стихийных и редких братаниях 1915—1916 гг. видели лишь нарушение воинской дисциплины, вызванное простым «любопытством», не носившем «опасной тенденции», то германское руководство решило его использовать в своих интересах. Как уже отмечалось, противник иногда брал во время братания наших солдат в плен. Однако впоследствии австро-германское командование отказалось от такой практики, вполне обоснованно опасаясь прекращения братания с русской стороны. «С наступлением для Германии трудных времен, — писал генерал Ю.Н. Данилов, — правительство императора Вильгельма озаботилось созданием в различных пунктах страны особых отделений для пропаганды идей, способных облегчить германскому народу продолжение и благополучное окончание войны». Летом 1916 г. по инициативе германского верховного командования (прежде всего, генерала Э. Людендорфа) деятельность этих отделений была объединена в одну организацию. Пропаганда распространялась всевозможными путями, но особое значение придавалось словесной передаче обработанных в нужном смысле сведений. «Мысль существует, — говорил Э. Людендорф по поводу этого способа, — а откуда она взялась — неизвестно». Здесь следует отметить, что пропаганда в соответствующих направлениях велась не только на

территории Германии и ее сателлитов, не только в нейтральных странах, но в основном направлялась широким потоком в государства, находившиеся с Германским блоком в состоянии войны. «Шла она туда двумя путями, — писал далее Ю.Н. Данилов, — с фронта и через тыл, но имела одну цель: угасить в народах и войсках этих государств дух войны и подорвать в них внутреннюю дисциплину... Для России с непрочной государственностью, темной массой и правительством, не пользовавшимся общественным доверием, пропаганда эта оказалась смертельным ядом». Именно такое явление Первой мировой войны, как братание, подходило для такой пропаганды как нельзя лучше. Но не только одно германское верховное командование обратило внимание на возможности, которые открывало братание, для развала армии и подрыва боевого духа солдат. Пристально следя за событиями на фронте, вождь большевиков В.И. Ленин понимал, что с помощью братания можно осуществить лозунги большевистской партии самым безболезненным и легким способом, представив это явление как «инициативу самих солдатских масс». Еще в феврале 1915 г., выступая на Конференции заграничных секций РСДРП, проходившей в Берне (Швейцария), он призывал к поддержке «братанья солдат воюющих наций в траншеях и на театре войны вообще», видя в этом стихийном явлении «первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую».

Как уже отмечалось, в 1915—1916 гг. братание не было массовым и частым явлением, и только после победы Февральской революции оно стало быстро принимать лавинообразный характер. Почему так произошло? «Недоверие к Верховному командованию, — рассуждал в своих мемуарах А.Ф. Керенский, — которое неудержимо нарастало в нижнем эшелоне в те несколько месяцев, которые предшествовали катастрофе, в первые недели после революции вырвалось наружу и привело к взрыву, подорвав саму основу дисциплины — доверие солдат к офицерам». И далее он отметил, что в первые недели после Февральской революции «вся страна прошла через кризис, но именно на фронте этот кризис приобрел глубокие и опасные черты. Ведь с потерей дисциплины

армия неизбежно разлагается и теряет свою боеспособность». Именно после победы Февральской революции, когда в войсках стремительно стала падать воинская дисциплина, братание явилось одним из главных лозунгов партии большевиков на фронте. В Апрельских тезисах В.И. Ленин отмечал необходимость усиленной пропаганды братания. В проекте резолюции о войне Петроградской общегородской конференции партии большевиков, написанном В.И. Лениным в апреле 1917 г., заявлялось, что братание является одним из наиболее действенных средств, способных ускорить прекращение войны. Под братанием, подчеркивал В.И. Ленин, большевики понимают, во-первых, издание воззваний на русском языке с переводом на немецкий для распространения их на фронте; во-вторых, устройство митингов русских и немецких солдат, через переводчиков, без присутствия офицеров. В таких воззваниях и на таких митингах должны разъясняться взгляды большевистской партии на войну, должно указываться на то, что если в России и Германии власть перейдет в руки трудящихся, то тогда будет обеспечен быстрый конец войны и демократический мир между всеми воюющими государствами. Та же ленинская мысль о превращении братания «в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата» прозвучала и на Седьмой (Апрельской) всероссийской конференции партии большевиков. 21 апреля в «Правде» было опубликовано «Воззвание к солдатам всех воюющих стран», также написанное В.И. Лениным.

Оно было издано на русском, немецком и других языках и распространено на фронте. 28 апреля «Правда» вновь обращается к вопросу братания — печатается статья В.И. Ленина «Значение братанья». В ней подчеркивалось, что братание «начинает ломать проклятую дисциплину ... подчинения солдат “своим” офицерам и генералам, своим капиталистам (ибо офицеры и генералы большей частью либо принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы)». Отсюда ясно, что братание есть «одно из звеньев в цепи шагов к социалистической пролетарской революции». Далее отмечалось: «чтобы

братанье возможно легче, вернее, быстрее шло к нашей цели, мы обязаны заботиться о наибольшей организованности и о ясной политической программе его». В связи с этим В.И. Ленин требовал от армейских большевиков активизировать свою деятельность так, «чтобы солдаты переходили теперь к такому братанию, во время которого обсуждалась бы ясная политическая программа», а солдат призывал обсуждать «эту программу в своей среде и вместе с немецкими солдатами! Такое обсуждение поможет вам найти верный, наиболее организованный, наиболее близкий путь к прекращению войны и к свержению ига капитала». Следует подчеркнуть, что во всех статьях, посвященных братанию, В.И. Ленин стремился придать этому явлению не столько антивоенный, сколько политический характер.

Наиболее распространенными формами проведения братания большевиками являлись, как рекомендовал В.И. Ленин, издание воззваний на русском и немецком языках, устройство во время братаний митингов. В воззваниях и на митингах большевики пытались убедить солдат, в том, что войну можно окончить и добиться справедливого мира только путем свержения своих правительств. Здесь же следует добавить, что только «Правда» в период с марта по октябрь опубликовала 18 различных материалов, посвященных братанию. Вопросы, так или иначе связанные с братанием, содержались и в других большевистских газетах, в первую очередь в «Солдатской правде» и «Окопной правде», а также в «Социал-демократе».

Как известно, большевиков-военнослужащих в действующей армии было немного, и они, естественно, не могли часто организовывать братания на фронте протяженностью полторы тысячи километров. Каким же способом проникали посланцы большевистской партии в действующую армию? Как писал в своих мемуарах А.Ф. Керенский, «делегаты Совета, действуя от имени рабочих и крестьян, стали быстро набирать в армии силу — именно им доверили выступать в качестве комиссаров, ответственных за всю деятельность созданных комитетов ... воспользовавшись сложившейся ситуацией, большевистские агенты под личиной делегатов и комиссаров внедрялись в армию; такое нетрудно было

осуществить в первые дни революции, когда “комиссарские мандаты” выдавали всем без исключения, не удосуживаясь проверить, с какой целью претендент на мандат отправляется на фронт». Сказанное А.Ф. Керенским дополняет А.И. Деникин. В своих очерках он писал, что «по всему фронту совершенно свободно разъезжали партизаны из Совета и Комитета ... с организацией “показного братания” и целым ворохом “Правд”, “Окопных правд” и “Социал-демократов”».

Весьма интересный эпизод по этому поводу приведен в воспоминаниях А.А. Брусилова. «В бытность мною главнокомандующим Юго-Западным фронтом во время германской войны, — писал генерал, — большевики и ранее и после февральского переворота сильно агитировали в рядах армии. Во времена Керенского у них было особенно много поползновений проникать в армию... Помнится один случай... мне докладывал мой начальник штаба генерал Сухомлин следующее: несколько большевиков прибыли в штаб в мое отсутствие. Они заявили ему, что желают проникнуть в армию для пропаганды. Сухомлин, очевидно, растерялся и разрешил им ехать. Я же это, безусловно, не одобрил и велел их вернуть обратно. Приехав в Каменец-Подольск, они явились ко мне, и я заявил им, что ни в каком случае допускать их в армию не могу, так как они желают мира во что бы то ни стало, а Временное правительство требует войны до общего мира, заодно со всеми нашими союзниками. И тогда же я выслал их из пределов мне подвластных».

Следует добавить, что для проникновения на фронт большевики использовали также и маршевые роты, следовавшие из тыловых гарнизонов в действующую армию.

Правда, братания не были особенностью Русского фронта.

В качестве доказательств приводятся знаменитые солдатские братания на других фронтах в рождественские дни 1914 года. Этим братаниям посвящена недавняя книга Стенли Уайнтроба (Stanley Weintraub. *Silent Night: Remarkable Christmas truce of 1914*).

Автор поставил себе целью уяснить, что правда, а что выдумка в легендах, ходящих об этих братаниях. Сделать это было не совсем просто. Участников

первой мировой войны осталось на свете с десятков, всем им перевалило за сто, да и свидетельские показания тех из них, кто пожелал бы и смог бы дать таковые, стоят недорого - просто потому, что легенды давно вытеснили из памяти ветеранов, в ту страшную пору - мальчишек, реальные события. Зато всяческих мемуаров, журнальных и газетных статей, полковых историй и иных документов о первой мировой войне - море разлитое. Вот их-то Уайнтроб и проработал с чисто немецкой методичностью (фамилия историка, разумеется, немецкая; на немецкий лад он - Вайнтрауб). Список источников занимает у него больше места, чем у иных авторов - целая глава связного текста.

Рождественские братания начались после заключения сторонами двухдневного перемирия на западном фронте. Там преобладали христиане, для которых Рождество - один из двух главных праздников года. (Со стороны Антанты, заметим, были целые нехристианские полки - индусские, в составе британских сил; на восточном и кавказском фронтах было немало мусульман, в турецкой армии они и вообще преобладали; кроме того, в армиях обеих коалиций сражались евреи, - но общей картины все это не меняет.) И вот правительства договорились о перемирии. Помимо сакрального смысла к нему подталкивала и чисто практическая необходимость: нужно было похоронить убитых. Война велась траншейная. Солдаты видели трупы вчерашних товарищей в нескольких метрах от себя на ничьей земле, что не способствовало боевому духу. Перемирие для похорон - вообще древнейший и, конечно, дохристианский обычай.

Но вот печальный долг павшим был отдан, и полоса между траншеями очистилась. По обе стороны начались празднества с обильными возлияниями, украшение рождественских елок, зажигание елочных свечей, песни, а вслед за ними ... и футбол. Да, да! Как ни трудно в это поверить...

Братания начались на французской территории - между немцами и британцами. Именно в таком порядке; как правило, инициатива исходила от немцев, которые в ту пору выигрывали войну. Солдаты сперва сближались с опаской, затем пили и обменивались продовольственными пайками, а затем

вспомнили об английской игре, ставшей международной. В большинстве случаев играли не настоящими надувными мячами, а суррогатами; случалось даже - завернутой в тряпье гильзой от снаряда. Впрочем, кое-где и настоящие мячи нашлись - что, согласимся, само по себе удивительно. Война ведь велась жуткая, зима стояла суровая, снежная, а тут - мячи!

Занятно, что в футбольных матчах тоже почти всюду побеждали немцы. Самый обычный счет был 3:2 в их пользу. Документы, главным образом - газеты, сохранили подробности этих небывалых международных встреч.

Поначалу выйти к противнику безоружным было непросто, требовалось мужество. Да и командиры от братаний были в ужасе и пытались унять их. Но ничего из этого не вышло. Настроение было именно рождественское. Люди изголодались по человеческому общению и тянулись друг к другу. А физически - осуществить братание было совсем просто. Траншеи противника располагались близко, немцы и британцы прекрасно слышали друг друга. Толчком к сближению, полагает автор, послужили рождественские песни, которые хором. Немецкая рождественская песня Тихая ночь (Stille Nacht) - вещь задушевная, она редко кого оставляет равнодушным. В британских траншеях аплодировали, слушая ее, а кое-где и плакали. Рождественские традиции у немцев вообще сильны. А британцы трогательных песен не пели, в их репертуаре преобладали задорные и грубоватые сатирические солдатские песенки.

Были и случаи нарушения перемирия. И с той, и с другой стороны многие были озлоблены затянувшейся войной (что худшее - впереди, еще не знали). Было немало и фанатиков-националистов. Случалась пальба и по пьяному делу, и по недоразумению. Потом стороны оправдывались друг перед другом, ссылаясь именно на недоразумения.

Впрочем, один случай недоразумением не назовешь. В самый разгар перемирия один немец появился перед британкой траншеей со словами, что вызывает желающего на штыковой поединок. "Хочу, говорит, биться насмерть, но - не с ирландцем!" Почему, так и осталось загадкой. Вызов принял шотландец. Обе стороны наблюдали за этой жестокой схваткой, не вмешиваясь. Верх взял

шотландец, заколовший немца. Так что были и такие братания... Но все же это - исключение. Гораздо характернее другой эпизод. В рождественскую ночь британский летчик пролетел над французским городом Лиллем, занятым немцами, и сбросил изумленным неприятелям большой хорошо упакованный сливовый пудинг. А лейтенант Джон Рейт - тот самый, который впоследствии основал Би-Би-Си - дал немецким офицерам званый обед во французском замке, с шампанским и при свечах.

Кризис на втором этапе войны был определён ещё одним фактором – изменениями кадрового состава в армии.

“Государству надлежит принять самые настойчивые меры к тому, чтобы ... дать армии непрерывный поток новых офицеров. Уже в настоящее время некомплект офицеров в частях пехоты ... в среднем превышает 50%” [1, с. 56]. Эта цитата из рапорта главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала от инфантерии М.В. Алексеева, поданного в июле 1915 г. на имя военного министра, свидетельствует об одной из многочисленных проблем, с которыми столкнулась государственная власть и высшее военное руководство России с началом Первой мировой войны.

Как и в мирное время, основная нагрузка по решению этой проблемы была возложена на военно-учебные заведения (вузы), занимавшиеся подготовкой кадров для замещения первичных офицерских должностей. При этом пришлось вводить особые правила комплектования военных училищ, требования к организации и содержанию образовательного процесса, а также внести коррективы в порядок выпуска юнкеров по завершению обучения.

Уже в первый день войны военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов распорядился о проведении в военных училищах досрочных выпусков. Конкретные даты таких выпусков были установлены в результате предварительно проведенного согласования данного вопроса с руководством ряда Главных управлений Военного министерства: военно-учебных заведений (ГУВУЗ), артиллерийского (ГАУ) и военно-технического (ГВТУ). Артиллерийские училища, располагавшиеся в Петрограде, 24 августа 1914 г. должны были произвести в подпоручики юнкеров, перешедших в старший класс. Два месяца, т.е. до 1 октября, отводилось на завершение подготовки обучавшихся на старших курсах в военно-учебных заведениях, которые относились к ГУВУЗу. Окончательной датой выпуска юнкеров, поступивших в военные училища до войны, было определено 1 декабря 1914 года.

Параллельно шла работа по организации ускоренной подготовки. Основопологающим элементом в перестройке деятельности военно-учебных заведений было определение оптимальных *сроков обучения*. При решении этого вопроса руководство вооруженных сил оказалось перед дилеммой. С одной стороны, возникла острая необходимость в уменьшении сроков обучения, так как реалии войны требовали регулярного пополнения офицерского корпуса в количестве, значительно превышавшем выпуски мирного времени. С другой стороны, руководители военного ведомства осознавали, что сокращение учебного времени приведет к ухудшению качества подготовки будущих офицеров. Разрешение возникшего противоречия было найдено в дифференцированном подходе к выбору учебных программ и срокам их реализации в зависимости от типа конкретного вуза и его принадлежности к определенному роду войск.

Следует отметить, что необходимость организации ускоренной

подготовки офицерских кадров в военное время была предложена Главным штабом и нашла свое отражение в соответствующем положении, которое было утверждено императором еще в 1912 г. Согласно этому документу после вступления России в войну сроки обучения предстояло сократить до 8 месяцев. Однако резко возросшая потребность армии в командном составе, вызванная необходимостью кадрового обеспечения мобилизационных мероприятий и большими потерями офицерского состава в ходе первых боев летом 1914 г., привели военного министра к решению о сокращении указанного срока вдвое применительно к пехотным училищам. Николай II поддержал предложение генерала В.А. Сухомлинова, утвердив 8 октября 1914 г. “Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в военно-учебных заведениях с четырехмесячным ускоренным курсом”.

Действие этого документа первоначально распространялось на старшекласников Пажеского корпуса, а также юнкеров пехотных, кавалерийских и казачьих училищ, принятых в вузы 1 октября и 1 декабря 1914 г. Позже - на обучавшихся в этих заведениях с 1 августа этого же года и на все приемы 1915 г.. Также оно касалось юнкеров старшего класса военно-топографического училища, которые добровольно желали служить прапорщиками в частях армейской пехоты, входивших в состав действующей армии.

При переводе на ускоренную подготовку инженерного и артиллерийских училищ руководство Военного министерства учло сложность подготовки в них, а также относительно небольшие потребности этих войск в начальный период войны в младших офицерских кадрах по сравнению с пехотой. Поэтому для них было разработано и учреждено отдельное “Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в специальных военно-учебных заведениях с восьмимесячным ускоренным курсом”.

Предпринятые Военным министерством меры частично способствовали решению обострившихся кадровых проблем. Если в мирное время ежегодно офицерский корпус пополняли около 2 тыс. выпускников военно-учебных заведений, то только с начала войны до конца 1914 г. ускоренные выпуски поставили в армию 5026 поручиков (корнетов, хорунжих) и 3814 прапорщиков.

Еще большая дифференциация сроков подготовки произошла в ходе войны. В феврале 1915 г. военный министр получил право увеличивать указанные выше сроки в пределах до года, а с августа 1916 г. - до установленных законом для мирного времени. В случае необходимости он мог и уменьшать учебное время до минимальных пределов, указанных в соответствующих положениях. По мнению автора, тот факт, что военное руководство получило право оперативно решать вопросы по срокам обучения в зависимости от кадровых потребностей армии, положительно отразился на процессе комплектования офицерского корпуса.

К весне 1915 г. несколько спала острота проблемы обеспеченности сухопутных войск офицерами. Поэтому у Военного министерства появилась возможность продлить сроки обучения. Так, юнкерам кавалерийских училищ декабрьского 1914 г. набора выпуск перенесли на два месяца позже, а для остальных приемов курс был увеличен до 8 месяцев. Это стало возможным из-за относительно небольших потерь среди офицеров данного рода войск, а также усложненных, по сравнению с пехотой, требований к их подготовке.

Курс пехотных и казачьих вузов впервые был продлен на месяц для второго выпуска 1915 г. В отчете генерал-инспектора военно-учебных заведений отмечалось, что это было сделано с целью “дать юнкерам возможность посвятить некоторое время полевым практическим занятиям”. И в дальнейшем, при возможности, сроки подготовки в пехотных училищах для некоторых наборов увеличивались. Например, выпуск вместо 1 сентября 1916 г. состоялся на месяц позже, а запланированный на 1 октября - через два месяца, т.е. 1 декабря этого же года.

В специальных училищах первый ускоренный курс длился 9,5 месяцев. Юнкера, принятые в них 1 декабря 1914 г., обучались уже меньше 8 месяцев. Инженеры пополнили офицерские ряды 15 июля, а артиллеристы - 10 июля 1915 г. В связи с неполной укомплектованностью действующей армии артиллерийскими офицерами Николай II разрешил военному министру уменьшить срок обучения в соответствующих училищах до 5,5 месяцев. Но

при определении дат конкретных выпусков военный министр всегда совещался с начальником ГАУ генералом А.А. Маниковским. Последний считал, что обучение артиллеристов должно быть не менее полугода и при этом с обязательным прохождением ими лагерного сбора. Как показало изучение нормативных документов, сроки обучения артиллерийских офицеров в основном составляли 6-7 месяцев.

Необходимо отметить одну особенность, касающуюся сроков подготовки в военно-топографического училища. До 1 сентября 1917 г. оно было единственным из всех военных училищ, которое функционировало в режиме мирного времени. Однако возросшая потребность в снабжении войск картами и, в связи с этим, штатного расширения корпуса военных топографов, потребовали увеличения офицеров данной специальности. Первоначально было принято решение о создании школы подготовки прапорщиков для производства съемочных работ с полугодовым курсом обучения, а затем о ее закрытии с одновременным переводом училища на ускоренную одногодичную подготовку офицеров-топографов.

В исторической литературе, к сожалению, не нашла отражения динамика изменения времени подготовки в вузах. В публикациях отечественных историков, исследовавших проблемы подготовки офицерских кадров русской армии, встречаются и не совсем верные данные по срокам обучения. Например, Л.Г. Бескровный, говоря о пехотных и кавалерийских училищах, пишет: “Пришлось срочно переходить на краткосрочные курсы (от 3- до 6-месячного срока)”. А.Г. Кавтарадзе указывает, что подготовка офицеров велась “путем перевода военных и специальных училищ на ускоренный (3-4 месячный для пехоты и 6-месячный для кавалерии, артиллерии и инженерных войск) курс обучения и открытия школ прапорщиков с такими же сроками обучения”. В ряде публикаций и диссертаций, касаясь вопросов подготовки офицеров в 1914 – 1917 гг., авторы, в основном, ссылаются на данные из вышеприведенных работ. Даже в таком солидном издании, как “Военная энциклопедия” указано: “При

военных училищах развертывались ускоренные (6 - 8 месяцев) курсы по подготовке прапорщиков для всех родов войск”.

На самом же деле, как следует из приведенных выше фактических данных, четко были определены только минимальные сроки обучения в военных училищах - 4 месяца. В зависимости от положения дел с обеспеченностью армии офицерами определенных специальностей сроки подготовки могли изменяться. Регулирование данного процесса проводилось военным министром по согласованию с начальниками соответствующих главных управлений. Принятые решения по срокам обучения подлежали утверждению императором.

Переход на ускоренную подготовку сопровождался снижением некоторых *требований к переменному составу вузов*. Если в мирное время определяющим являлся уровень освоения знаний обучавшимися, то в условиях боевых действий основное внимание было уделено их нравственным качествам. И это было оправданной мерой. Если имевшиеся пробелы в знаниях постепенно исчезали в ходе практической деятельности, приобретения опыта, то лично недисциплинированный командир разлагающе действовал на подчиненных и являлся слабой опорой начальства в исполнении приказов. В частях действующей армии последствия такого поведения грозили невыполнением поставленных задач и потерей человеческих жизней.

Так, в довоенный период каждому юнкеру для перевода в следующий класс необходимо было получить определенный соответствующей инструкцией общий средний балл, необходимое количество баллов по отдельным предметам и состоять в первом или втором разрядах по поведению. При этом за окончательную оценку знаний принимался средний из баллов, полученных по каждому предмету на репетициях в течение учебного года и на переводном экзамене. Юнкера, не соответствовавшие установленным критериям здоровья, поведения и степени усвоения

преподаваемых дисциплин по решению педагогического и дисциплинарного комитетов подлежали отчислению.

В указанных выше положениях о военно-учебных заведениях военного времени их начальникам предоставлялось право отчислять в период учебы только тех юнкеров, которые имели неудовлетворительное поведение. В их послужных списках делалась соответствующая запись, и они теряли право повторного поступления в вузы. За неуспеваемость в течение курса такая мера не предусматривалась. В частности, воспитанникам, которые готовились стать кавалерийскими или казачьими офицерами и за время учебы не смогли полностью освоить учебную программу, по решениям начальников училищ или директора Пажеского корпуса срок обучения мог быть продлен еще на 4 месяца. Пажей, которые предназначались выпуску в артиллерию, разрешалось оставлять для дополнительного обучения еще на 2-4 месяца.

Изменения деятельности военных училищ в годы войны коснулись и *порядка выпуска* из них. Именно на этом этапе окончательно решался вопрос о профессиональной пригодности юнкеров, делался вывод об их соответствии необходимым критериям для службы на первичных офицерских должностях.

В ходе перевода училищ на ускоренную подготовку была упрощена процедура выпуска. Не внося изменений в существовавший порядок оценки уровня знаний юнкеров, Военный Совет предоставил возможность его корректировки начальникам главных управлений по принадлежности училищ. Выпускные аттестационные списки составлялись на основании “Правил для оценки занятий юнкеров военных училищ, перевода из класса в класс и выпуска”, с некоторыми изменениями, утверждавшимися военным министром.

По решению Военного Совета отменялись выпускные экзамены. Распределение на разряды по успеваемости и поведению, как и до войны, производилось решениями педагогических (учебных) комитетов училищ.

При принятии решений исходили из текущей успеваемости юнкеров и результатов контрольных репетиций. Причем из трехразрядной довоенной системы распределения осталось только два разряда, что существенно упрощало эту процедуру. Юнкеров, которые отвечали требованиям первых двух разрядов мирного времени, зачисляли в первый разряд, остальных - во второй.

Необходимо отметить, что при переходе на ускоренную подготовку офицеров Военное министерство изменило и разряд чиновпроизводства для выпускников военно-учебных заведений. Так, юнкеров, зачисленных в училища 1 августа 1914 г. и достойных производства в офицерский чин, было решено выпустить прапорщиками. Это было закреплено в каждом положении о вузах военного времени. Однако, юнкера, которые проучились год и выпускались по 1-му разряду, могли производиться в подпоручики. Такое правило было введено в связи с тем, что военный министр получил право продлевать курс обучения в училищах.

Наличие чина прапорщика в сетке военных чинов, существовавшего в мирное время для офицеров запаса, сыграло свою положительную роль в период войны. При его отсутствии у Военного министерства оставалось бы только две альтернативы. В одном случае юнкера могли сразу производиться в подпоручики. При таком варианте содержание подготовки не отвечало установленным критериям для этого чина. В другом случае - выпуск унтер-офицерами, но с правами на офицерский чин по истечению определенного срока. Но это длительная и усложненная процедура. В условиях войны оба варианта в чистом виде были нежелательны.

Согласно действовавшим в военный период правилам выпускники ускоренных курсов делились на две категории.

К первой категории относились юнкера, заканчивавшие обучение по 1-му разряду. Они получали первичное офицерское звание непосредственно по окончании вуза и по статусу приравнивались к выпускникам военных училищ мирного времени.

Вторая категория выпускников, т.е. окончивших ускоренные курсы по 2-му разряду, только приобретала права на офицерский чин. Такие юнкера выпускались унтер-офицерами и направлялись в строевые части. Стать прапорщиками они могли не ранее, чем через четыре месяца после выпуска, после соответствующего представления непосредственного начальника. При получении офицерского звания, такие лица получали одинаковые права с закончившими военные училища в довоенное время с 3-м разрядом.

Введением таких мер Военное министерство сохранило не только престижность военных училищ, по сравнению с получившими широкое распространение в годы войны школами подготовки прапорщиков, но и стимулировало юнкеров на добросовестное отношение к учебе и службе.

Учитывая то обстоятельство, что сроки обучения в вузах родов войск были неодинаковыми, Военное министерство, чтобы выровнять условия производства в подпоручики юнкеров одинакового приема, предприняло меры, устанавливающие старшинство¹²⁴ в очереди на получение очередного воинского звания. Для отсчета был принят базовый четырехмесячный срок обучения. Например, если выпускник 1-го разряда четырехмесячных ускоренных курсов мог повыситься в чине через 8 месяцев после выпуска, то такой же прапорщик, окончивший восьмимесячное специальное училище - через четыре.

Регулируя таким образом условия чинопроизводства, Военное министерство устранило зависимость срока производства в очередной чин выпускников вузов одного типа от продолжительности учебы. Это позволило добиться того, чтобы срок обучения не был препятствием при выборе учебного заведения, особенно для людей с достаточным образованием. Также было устранено возможное недовольство юнкеров,

---

¹²⁴ Старшинство – общая выслуга офицера в каждом чине, как в календарном, так и в льготном исчислении, определявшая его место в кандидатских списках на производство в следующий чин. В начале службы каждого офицера устанавливалась его очередность на право получения следующего звания, во многом зависевшая от престижности вуза, который он окончил и персонального выпускного балла. В дальнейшем преимущества служебного роста получали офицеры, которые имели большую выслугу и не имели взысканий. – Прим. авт.

которые желали быстрее стать офицерами, при увеличении продолжительности курса обучения.

Сравнив существовавшие в мирное и военное время правила деятельности вузов, приходим к заключению, что Военный Совет устранил все существовавшие накануне войны различия порядка выпуска юнкеров из различных военных училищ.

Следует отметить, что военным руководством страны в августе 1914 г. при организации ускоренных выпусков из военно-учебных заведений было принято правильное решение о распространении на их выпускников статуса офицеров военного времени. Это означало, что офицерам, не прошедшим одногодичный курс подготовки, присваивалось воинское звание "прапорщик". Они имели право служебного роста только в обер-офицерских чинах и при мобилизации армии подлежали увольнению из офицерского корпуса. Эта мера поднимала престиж кадровых офицеров, а также приравненных к ним по правам выпускников ускоренных курсов, закончивших военные училища по 1-му разряду. В свою очередь, уровень знаний, полученных офицерами военного времени в военно-учебных заведениях, а также опыт, приобретенный в ходе боевых действий, позволял им справляться с обязанностями в диапазоне обер-офицерских должностей.

О результативности произведенных изменений в деятельности военно-учебных заведений во время Первой мировой войны можно судить из приводимых ниже цифровых данных. Например, расширение штатов вузов и сокращенные сроки подготовки позволили увеличить количество юнкеров. Если 1 февраля 1915 г. в военно-учебные заведения, подведомственные ГУВУЗу, было принято 3568 чел., то ровно через год - 6344 чел.

Согласно сведениям о пополнении армии офицерами, хранящихся в архивных фондах, с 1 июля 1914 г. по 1 апреля 1917 г. из военных училищ было выпущено 74418 чел. с офицерским чином. Аналогичные данные за период с 1 января по 1 ноября 1917 г. - 28207 прапорщиков соответственно. К сожалению, в архивах отсутствуют единые данные о совокупной

численности выпущенных из вузов офицеров. Из обобщения сведений, содержащихся во введенных в научный оборот документах, можно судить, что данный показатель составляет около 225 тыс. чел.

Смена государственной власти в стране привела к кардинальному изменению военно-кадровой политики. С 1 ноября 1917 г. были отменены выпуски в офицеры из военно-учебных заведений. Производить новые наборы не планировалось, а юнкера подлежали направлению в запасные полки.

В тоже время приобретенный в годы Первой мировой войны опыт ускоренной подготовки военных кадров для русской армии был использован новой властью. Уже 28 января 1918 г. приказ Наркомвоена ввел в действие «Положение об ускоренных курсах по подготовке комсостава Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В последующем этот опыт особенно пригодился советскому военно-политическому руководству в начальный период Великой Отечественной войны.

Изложенный в статье фактический материал позволяет констатировать, что Военное министерство России в ходе перестройки деятельности военных училищ в 1914-1917 гг. производило изменения в сроках подготовки юнкеров и правилах их выпуска. Целью проводимых преобразований являлось бесперебойное пополнение армии подготовленными специалистами для замещения первичных офицерских должностей.

Уже зимой 1916/17 гг. по оценке генерала В.В. Чернавина, кадровых офицеров в пехотных полках оставалось около 4 % от всего командного состава (т.е. 1-2 кадровых офицера на полк), остальные 96 % стали офицерами в военное время!

Для удовлетворения потребностей армии в командном составе началась массовая подготовка офицеров и прапорщиков на ускоренных (3-4-месячных для пехоты и 6-месячных в остальных родах войск) курсах обучения в военных училищах и специально созданных школах прапорщиков.

Генерал Н.Н. Головин в своей монографии «Военные усилия России в

мировой войне» писал, что к 1917 г. 80 % прапорщиков (тогда это был первый офицерский чин) происходили из мещан и крестьян и только 4% из дворян.

По мнению военного историка А.Т. Кафтирадзе, свыше 50 % офицеров военного времени не имели даже общего среднего образования. Фактически разрушена была и сложившаяся система подготовки и воспитания офицерских кадров.

Если выпуски офицеров военного времени состояли из интеллигенции и цвета русской молодёжи, увлечённой патриотическим чувством в военные училища, то с осени 1915 г. их качественный уровень стал резко снижаться. Наборы зачастую проводились по разнарядке и принудительно, как сейчас на контрактную службу. «В этот период, - пишет А.А. Керсновский в «Истории русской армии», - слово «прапорщик» сделалось нарицательным, появились офицеры, в которых не было ничего офицерского, кроме погон да и то защитных». Боевой офицер барон Л. Будберг в своем «Дневнике» отмечал неудовлетворительную подготовку офицеров ускоренных выпусков «в несколько недель нельзя создать офицера или даже сносный его суррогат. Офицер, умеющий только командовать, но не знающий основ военного дела и лишённый настоящей офицерской этики, - это очень опасный материал для современных милиционных войск, могущих быть опасной вооружённой силой только при наличии хороших и знающих офицеров».

За три года войны каждый полк по различным причинам сменил в среднем по 4-6 командиров. О разрушении единой офицерской «полковой семьи», носительницы традиций патриотизма и боевого духа армии, докладывал в июле 1917 г. в штаб 5-й армии командир 37-го армейского корпуса Н.Н. Сулькевич: «Необходимо отметить, что состав офицеров далеко не обладает сплочённостью - это механическая смесь лиц, одетых в офицерскую форму, лиц разного образования, происхождения, обучения, без взаимной связи, для которых полк - постоянный двор».

Большой приток офицеров военного времени, пришедших на смену кадровому составу, но оценке генерала А.И. Деникина, «внес дифференциацию в политический облик офицерского корпуса, приблизив его к средней массе русской интеллигенции и демократии».

В русском обществе и армии к началу 1917 г. стали преобладать настроения, которые русский мыслитель К.Н. Трубецкой назвал «кризисом патриотизма». Не только в тылу, но и в воинских частях, на офицерских собраниях, в штабах стали открыто говорить «о придворной грязи» и «непригодности царского правительства» вывести страну из кризиса и продолжать войну с кайзеровской Германией.

Русская императорская армия, включавшая в себя цвет нации, погибла в ходе боевых действий 1904-1905 гг., 1914-1916 гг. и превратилась в вооружённый народ, переодетый в солдатские шинели. На смену кадровому командному составу пришли офицеры военного времени, как сейчас офицеры из запаса (из-под палки). Аналогичная судьба постигла кадровых унтер-офицеров и солдат - их заменили 10-12 миллионов наспех мобилизованных новобранцев. Всё это качественно изменило состав армии в 1916-1917 гг., превратив её из опоры российской монархической государственности в «пороховую бочку революции».

Заключение

Перед выводами следует сказать, что история человеческой цивилизации по своему состоянию может быть поделена на две части – война и мир. При этом большую часть времени общество находилось в состоянии войны и лишь 300 лет в состоянии мира. За последние 5 000 лет было свыше 15 000 войн со средней периодичностью три войны в год. Первая мировая война 1914 – 1918 годов оказала всеобъемлющее воздействие на весь ход и характер общественного развития новейшей эпохи, стала главной исторически-корректирующей силой развития человечества в XX веке. Россия, развиваясь в русле общемировых закономерностей, пережила весьма значительное количество войн, которые в разной степени влияли на ход ее исторического развития, но Первая мировая война оказала судьбоносное воздействие на ее будущее. В российской истории армии всегда принадлежала исключительно выдающаяся и уникальная роль. Являясь инструментом политики и одновременно зеркалом отношений в обществе, она не может быть вне политического процесса. В условиях первого мирового противоборства при ослаблении власти, в первую очередь, поведение действующей армии вкупе с другими общественными слоями российского общества определили, в конечном счете, характер социальных сдвигов поистине тектонического масштаба. В силу данных обстоятельств от массового политического сознания многомиллионной армии, представлявшей потенциал огромной социальной силы, в еще большей степени зависел ход и исход Революции 1917 года. Признавая армию как самостоятельную активную политическую силу, политические партии России, ставившие своей целью сохранение или переустройство (с различными оттенками, в различные исторические сроки) политического и государственного строя России не могли не сделать попытки привлечь на свою сторону широкие армейские массы. Для этого они должны были сформулировать свое отношение к войне и армии, определить систему

комплексного воздействия на продуцирование массового политического сознания действующей армии как ударного элемента Вооруженных Сил России.

А теперь основные выводы.

1.Изучение и всесторонний анализ существующей историографии показывают, что тема в той или иной мере находила фрагментарное отражение в исторической литературе, но отечественная наука не располагает специальным исследованием, посвященным комплексному анализу массового политического сознания действующей армии в контексте деятельности политических партий в годы Первой мировой войны и задача создания его на базе новейших подходов современной исторической науки оставалась нереализованной.

2.Россия, вступившая на путь модернизации еще со времен Петра I, на рубеже XIX-XX веков оказалась в его решающем фазисе. Можно утверждать, что межсистемное неустойчивое равновесие нашей страны начала XX века разбилось о войну. В годы Первой мировой войны действующая армия все более и более становилась активной участницей политического процесса в стране и в значительной мере своим поведением определяла направление его развития.

3.Определенное влияние на массовое политическое сознание некоторой части населения страны, и действующей армии в том числе, оказывали монархические партии, программа которых была достаточно реалистичной.

4.Одним из базовых принципов массового политического сознания в годы Первой мировой войны было отношение к войне. Россия оказалась не готова к войне духовно. В итоге социальный фактор, который традиционно был в России сильнее национального, в конце концов заглушил патриотические чувства значительной части населения. Однако отмеченный процесс был длительным, шел неравномерно и противоречиво: патриотические настроения, захватившие в начальный период войны все слои народа, постепенно эволюционизировали частично в «революционное

оборончество», частично – в пацифизм, а частично даже в открытое пораженчество. В тесной связи с отношением к войне в массовом политическом сознании важное место занимали представления о справедливом распределении тягот войны между различными слоями общества. В массах господствовал идеал общественного устройства, основанный на нормах общинной демократии. Для массового политического сознания периода Первой мировой войны характерна определенная его мифологизация, которая значительно усилилась к 1917 году.

Первая мировая война есть сложный и длительный процесс постепенной смены политических ориентиров в массовом сознании всех слоев, в том числе и действующей армии. В целом в военные годы оно было достаточно противоречивым, многослойным, что отражало сочетание в нем ценностей и установок, принадлежащим разным пластам трансформирующегося политического сознания народа. Эволюция массового политического сознания действующей армии до ее фактического распада прошла все естественные стадии. Массовое политическое сознание армейских масс в годы войны определялось внешними условиями их существования, политическими и партийными пристрастиями, базовыми установками сознания, взаимодействующими с новыми трансформированными его элементами, особенностями кризисного сознания военной и революционной эпохи.

Список использованных источников и литературы

1. Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Воен.-ист. журн. 1993. № 10.
2. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
3. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 – 1920 гг. М., 1988.
4. Курдюк А.А. Об особенностях правил приема в военные училища во время Первой мировой войны // Право и образование. 2005. № 4.
5. Курдюк А.А. Опыт кадрового обеспечения русской армии в 1914 – 1917 гг. и его использование во время Великой Отечественной войны // Вестник Военного университета. 2005. № 2.
6. Чертищев А. В. Вопросы Отечественной истории. (Учебно - методическое пособие). Москва, ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского, 1991. - 1,9 п.л.
7. Чертищев А. В. Русская армия накануне Февраля 1917 года (Тезисы научного сообщения). 1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция «Проблемы истории Февральской революции». М., 1992. - 0,2 п.л.
8. Чертищев А. В., Чернобаев А. А. Действующая русская армия и власть в 1917 году // Военно-исторический журнал. 2006. № 7.
9. Чертищев А. В., Чернобаев А. А. Конституционные демократы и русская армия в 1917 году // Вестник МЭИ. 2006. № 6. –
10. РГВИА, ф. 725, оп. 48, д. 1194, л. 4.
11. РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 6342, л. 12-13.
12. РГВИА, ф. 351, оп. 1, д. 4471, л. 14-14 об.
13. РГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 1533, л. 1-3.
14. Приказ по военному ведомству № 787 от 15 декабря 1914 г. // Приказы по военному ведомству за 1914 г. Пг., 1914.

15. Приказ по военному ведомству № 817 от 30 декабря 1914 г. // Приказы по военному ведомству за 1914 г. Пг., 1914.
16. Приказ по военному ведомству № 767 от 4 декабря 1914 г. // Приказы по военному ведомству за 1914 г. Пг., 1914.
17. Приказ по военному ведомству № 756 от 26 ноября 1914 г. // Приказы по военному ведомству за 1914 г. Пг., 1914.
18. Приказ по военному ведомству № 81 от 18 февраля 1915 г. // Приказы по военному ведомству за 1915 г. Пг., 1915.
19. Приказ по военному ведомству № 458 от 16 августа 1916 г. // Приказы по военному ведомству за 1916 г. Пг., 1916.
20. РГВИА, ф. 725, оп. 48, д. 970, л. 34 об.
21. Приказ по военному ведомству № 133 от 16 февраля 1915 г. // Приказы по военному ведомству за 1915 г. Пг., 1915.
22. Приказ по военному ведомству № 196 от 28 апреля 1915 г. // Приказы по военному ведомству за 1915 г. Пг., 1915.
23. Приказ по военному ведомству № 278 от 11 июня 1915 г. // Приказы по военному ведомству за 1915 г. Пг., 1915.
24. РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 5832, л. 65.
25. Приказ по военному ведомству № 314 от 17 июня 1916 г. // Приказы по военному ведомству за 1916 г. Пг., 1916.
26. Приказ по военному ведомству № 467 от 24.07.1917 г. // Приказы по военному ведомству за 1917 г. Пг., 1917.
27. Военная Энциклопедия: В 8 т. М., 1994. Т. 2.
28. Приказ по военному ведомству № 689 от 20 октября 1914 г. // Приказы по военному ведомству за 1914 г. Пг., 1914.
29. Приказ по военному ведомству № 741 от 19 ноября 1914 г. // Приказы по военному ведомству за 1914 г. Пг., 1914.
30. Малинко В. Справочная книжка для офицеров. - М., 1917.
31. Приказ по военному ведомству № 162 от 30 марта 1916 г. // Приказы по военному ведомству за 1916 г. Пг., 1916.

32. РГВИА, ф. 725, оп. 49, д. 5, л. 34.
33. РГВИА, ф. 725, оп. 50, д. 17, л. 35.
34. РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2186, л. 2 об.
35. РГВИА, ф. 725, оп. 51, д. 13, л. 120.